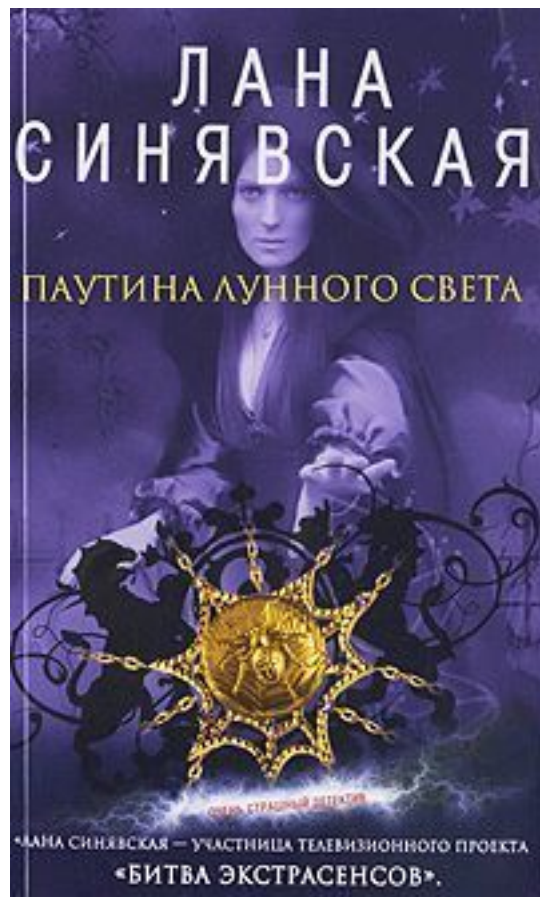

ЛАНА СИНЯВСКАЯ

ПАУТИНА ЛУННОГО СВЕТА

ЛАНА СИНЯВСКАЯ — УЧАСТНИЦА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОЕКТА
«БИТВА ЭКСТРАСЕНСОВ».

Приключения ясновидящей Анны Сомовой

Лана Синявская

Паутина лунного света

«Автор»

2009

Синявская Л.

Паутина лунного света / Л. Синявская — «Автор»,
2009 — (Приключения ясновидящей Анны Сомовой)

ISBN 978-5-699-36962-1

Анна Сомова наделена удивительными магическими способностями. На этот раз ей приходится вступить в борьбу с кровожадным оборотнем, который заставляет трепетать обитателей дома, принадлежащего весьма состоятельной особе. Трепещут и жители окрестностей, но от другого. Они знают: если на берегу появляется призрак Маленькой Прачки – он назовет имя того, кто скоро должен умереть... Чтобы выведать имя будущей возможной жертвы и опередить события, Анна отправляется на встречу с призраком. У Анны нет выбора, ведь перед ней поставили условия: или она решает мистические проблемы этого странного дома, или ее любимый человек, буквально накануне их свадьбы ложно обвиненный в страшных преступлениях, отправится за решетку... Ранее роман выходил под названием "Ведьмины именины".

ISBN 978-5-699-36962-1

© Синявская Л., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лана Синявская

Паутина лунного света

Глава 1

Анна нервничала так, как никогда в жизни. То, что для этого не было ни единого повода, злило ее даже больше, чем если бы повод существовал. Окружающим могло показаться, что ей просто повезло. Она и сама так считала, но тем не менее не могла успокоиться. Она бродила по квартире как потерянная, натываясь на углы и уже в третий раз проливая на себя кофе, так как у нее предательски дрожали руки. Кофе она успела выпить столько, что ее ярко-голубые глаза превратились в два блюдца, в которых плескались темные лужицы необъяснимой тревоги.

* * *

– Ань, ну ты идешь? – В дверях кухни появилась рассерженная Нурия. Ей хватило одного взгляда на подругу, чтобы правильно оценить обстановку. – Та-а-ак, все ясно. Бесишься? – протянула она, тяжело вздохнув.

– Ты очень наблюдательна, – сокрушенно кивнула головой Анна.

– Ну и с чего бы это, скажи на милость? Предсвадебная лихорадка, что ли? Так тебе вроде не впервой... Ой, прости, – подруга шлепнула себя ладонью по губам.

– Да пожалуйста, – нервно усмехнулась Аня.

Несколько лет назад она уже успела побывать в роли невесты, а впоследствии и жены. Не так уж долго, если по-честному, но вполне достаточно, чтобы уяснить: браки, даже если они заключаются на небесах, предполагают в дальнейшем спуск на землю без парашюта. В ее случае получилось именно так.

Нурия прошла в кухню и уселась на табурет напротив Анны.

– Ну что ты, в самом деле? – сочувственно спросила она. – Замужем не так уж плохо.

Анна ответила ироническим взглядом, и подруга смущенно отвела глаза: в том, что она только что сказала, она успешно убеждала окружающих, но так и не смогла убедить себя, и это было заметно по ее не слишком уверенной интонации.

Нурия была лучшей подругой Анны долгие-долгие годы. Даже больше, чем подругой – почти сестрой. Какие бы бури ни шумели вокруг, обе знали: рядом всегда окажется теплое, родное плечо, в которое можно поплакаться, если больно и горько, на которое можно опереться, если кончились силы, к которому можно прижаться, если станет холодно от чужого равнодушия и жестокости. Они обе берегли свою дружбу и становились сильнее, но судьба приготовила им испытание на прочность. Дочь Нурии, красавица Лелька, сумела одолеть вступительные экзамены в престижный колледж. Это было огромной радостью для всех, но... Всегда имеется одно «но» – маленькое, пакостное словечко. Так вот, колледж, в который поступила Лелька, находился в далекой Америке, и подругам пришлось расстаться на долгое время. Правда, несколько месяцев назад они снова встретились.

– Да не переживай ты, – Анна положила ладонь поверх руки Нурии, лежащей на кухонном столе, и тихонько пожала теплые пальцы. – Я совершенно не боюсь выходить замуж за Макса, я его люблю... – Она немного помедлила и нехотя выдавила: – Только на сердце почему-то мутно. Сама не пойму отчего.

– Это пройдет, – встрепенулась Нурия. – Возьми себя в руки. Валерьяночки хочешь?

– Давай.

Нурия поднялась, налила в две чашки кипятка, накапала в одну из них валерьянки, немного подумала и во вторую плеснула тоже.

– Что пьем? – спросил бодрый молодой голос.

– Чай, – хором ответили подруги, одновременно поворачивая головы к высокому красивому юноше, стоящему в дверном проеме.

– А чем это пахнет? – спросил он, втянув ноздрями воздух.

– Миау-у-у! – раздалось возле его ног, и огромный черный кот молнией взлетел на кухонный стол, пристраиваясь к одной из кружек с явным намерением отведать содержимого.

– Каспер! Брысь отсюда, алкоголик несчастный, – проворчала Анна, спихивая упирающегося кота со стола. Тот попытался зацепиться когтями за скользкий край, но не удержался и обрушился на пол, шипя и отплевываясь.

– Все понятно – валерьянка! – со смехом констатировал Кирилл очевидный факт.

– А что такого? – возмутилась Нурия. – Можем и тебе налить, если хочешь. Как у тебя с нервишками?

– Полный порядок. Я лучше пивка, – хохотнул парень. – Кстати, рекомендую.

– Спасибо, дорогой. В другой раз, – фыркнула Нурия, демонстративно прихлебывая «чай» из своей кружки.

Кирилл пожал плечами и потянулся к холодильнику. Он достал запотевшую банку, с легким хлопком откупорил ее и сделал несколько жадных глотков.

«Трудно поверить, что у Макса такой взрослый сын», – подумала Анна, с улыбкой глядя на юношу.

Кириллу исполнилось двадцать – Макс стал отцом, едва отметив восемнадцатилетие. До сих пор Анна удивлялась, что отец и сын совершенно не похожи. Макс выглядел очень по-мужски – широкоплечий, узкобедрый, с красивым, резко очерченным лицом и крепкими мускулистыми руками. Кирилл был его полной противоположностью – высокий, худощавый, с узкой костью. Если Макса можно было сравнить с дубом, то Кирилл, скорее, гибкая осина. Даже глаза у них были разные: у отца они напоминали холодное озеро с чистой голубой водой, которой иногда касались теплые солнечные блики, а у Кирилла – зеленую топь болот, зыбкую и одновременно притягательную. При этом оба были красивы и выглядели почти ровесниками из-за того, что один казался моложе своего возраста, а другой, наоборот, старше.

Предсказание Анны сбылось, хотя после того, как Кирилл несколько месяцев назад попал в серьезную аварию, в его выздоровление не верил никто, даже собственный отец. Анна пообещала, что Кирилл не только поправится, но и будет танцевать на их свадьбе. Это был один из немногих случаев, когда Аня была благодарна судьбе, наделившей ее особым даром, позволяющим подчинять себе неведомые силы и заставлять их повиноваться. Анна сделала все, чтобы Кирилл полностью выздоровел после катастрофы. Ей удалось вернуть парня к нормальной жизни. О страшных травмах теперь напоминали только едва заметные шрамы. После чудесного исцеления Кирилл стал для Ани если не родственником, то добрым другом. Он искренне восхищался красавицей-невестой своего отца, Анна испытывала к нему ответную симпатию.

Звонкий голосок вернул Анну в реальность:

– Мам, а скоро будем мерить свадебное платье?

При появлении на крошечной кухне маленького Ники стало тесно, но Анна почувствовала себя немного спокойнее. Она посмотрела на восьмилетнего мальчика, которого считала своим сыном, теплым ласковым взглядом, а он тут же подбежал к ней и удобно устроился на ее коленях. Вот уж у кого не было ни малейших сомнений по поводу предстоящего бракосочетания. Ники был счастлив без каких-либо оговорок. Он одинаково обожал обоих, и Анну, и Макса, заменивших малышу настоящих родителей, трагически погибших за тысячи километров от этого провинциального городка.

Ники потерся щекой о щеку Анны и просительно заглянул в ее глаза.

– Так ты идешь мерить платье? – повторил он, еле сдерживая нетерпение.

Пышное белоснежное одеяние не давало ему покоя с той самой минуты, как было извлечено из огромной розовой коробки. Платье прибыло из Америки. Это был подарок от Нурии и ее дочери, которая совсем недавно сама стала женой, несмотря на очень юный возраст, – девочке только-только исполнилось восемнадцать.

Свадьба Лельки круто изменила жизнь Аниной подруги – замужество напоминало сказку о Золушке, ведь избранником девушки оказался сын самого настоящего греческого миллионера, который, ко всем прочим достоинствам, обладал еще и прекрасным характером, позволившим ему одобрить выбор сына, хотя ему было что возразить. Между Лелькой и Вангелисом лежала финансовая пропасть – препятствие почти непреодолимое. Но это не помешало влюбленным перекинуть через нее прочный мостик взаимной любви. Они были бы счастливы и в шалаше, однако шикарный фамильный особняк, который папа преподнес сыну в день свадьбы, был принят ими с благодарностью. Единственной, кто никак не мог привыкнуть к неожиданной роскоши, оказалась сама Нурия, всю свою жизнь борющаяся за каждую копейку. Несмотря на уговоры дочери, Анина подруга продолжала вести весьма скромный образ жизни, и ей это нравилось больше, чем дармовая роскошь. Впервые она нарушила свои принципы и воспользовалась бездонной пластиковой карточкой, открытой миллионером-папой на ее имя, чтобы купить для подруги сказочно красивый подвенечный наряд.

Желая удовлетворить просьбу Ники и успокоить подругу, Анна покорно встала со своего места и направилась в большую комнату, где на стене, на вбитом под самым потолком гвозде, висело воздушное свадебное платье. От его присутствия в комнате стало невероятно тесно: то ли комната была чересчур мала, то ли пышная многоярусная юбка из тончайшей сетки – слишком велика.

Анна взобралась на стул и с помощью Кирилла, поддерживавшего платье снизу, сняла его с вешалки и приготовилась надеть на себя. Предварительно Кирилла выставили из комнаты, что он воспринял с демонстративным сожалением, которое, впрочем, ничем ему не помогло. Он был изгнан в коридор, а Ники, хихикая, встал на страже у закрытой двери. Мальчишке очень хотелось посмотреть, как мама превратится в настоящую принцессу, но он старался быть честным. Чтобы избежать соблазна, Ники повернулся спиной к двери и зажмурил для верности глаза.

– Так, отлично, теперь повернись, встань на цыпочки, подними голову. Какая же ты красивая, Анька! – тараторила Нурия, вертя подругу во все стороны.

Она схватила Аню за руку и потащила за собой в спальню, чтобы та убедилась в своей неотразимости, поглядевшись в большое зеркало. Анна запнулась о длинный подол и буквально влетела в спальню, в последний момент уперевшись вытянутыми руками в резную деревянную раму. Немного отпрянув и восстановив равновесие, Анна удивленно всмотрелась в свое отражение.

Платье выглядело великолепно. Атласный корсаж плотно охватывал тонкую талию, деликатно поддерживая высокую грудь. Плечи и вырез украшали изящные атласные розы, до невозможности похожие на настоящие. Знаменитый кутюрье, создавший этот наряд, позаботился даже о капельках росы на нежных лепестках. Пышная юбка напоминала водопад, спадая к ногам пенистым облаком, в котором сверкали и переливались сияющие камешки, похожие на водяные брызги. Черные волнистые волосы Анны, которым завтра предстояло быть уложенными в сложную высокую прическу, сейчас свободно падали на обнаженные плечи, резко выделяясь на фоне белизны благородного шелка и ее кожи. Единственным, что портило впечатление от восхитительного зрелища, был взгляд синих глаз – испуганный и тревожный. Он Нурии ужас как не понравился, она решила подбодрить подругу. А как доставить удовольствие женщине? Сказать ей комплимент, разумеется. Об этом знают не только опытные ловеласы, но и, представьте, сами женщины.

– Анька, у тебя потрясающая фигура! – выложила Нурия беспроигрышную карту.

И что вы думаете? Правильно, Анна только скривилась. Да разве найдется хоть одна женщина, которая была бы полностью довольна собой. Нету таких! Даже знаменитые и непревзойденные Наоми и Синди, те, которые кажутся нам, простым смертным, совершенством, наверняка вздыхают перед зеркалом над своими изъянами, которые по большей части являются всего лишь плодом воображения. Что уж говорить о женщинах, далеких от подиума.

– У меня отличная фигура? Да ты спятила, подруга, – фыркнула Анна, поворачиваясь к зеркалу боком, – так она казалась себе менее толстой, хотя вообще-то весила чуть больше пятидесяти килограммов.

– И что тебе не нравится? – возмущенно прищурилась Нурия. – Не фигура – мечта! Грудь, талия, бедра... – подражая восточным мужчинам, Нурия смачно чмокнула собранные в щепотку пальцы.

Обе девушки засмеялись. А мысленно Нурия поздравила себя с тем, что Анна немного развеселилась.

– Ох, Нурия. Не фигура у меня, а песочные часы какие-то. Разве не видишь?

– Наоборот, ты ничего не видишь! Это же идеал!

– Был когда-то, лет пятьдесят назад, во времена Мерилин Монро и Софи Лорен.

– Ну, они и сейчас, положим, являются идеалом женской красоты, – не согласилась Нурия. – Вот я, например, своим телом совершенно недовольна, но у меня, в отличие от некоторых, есть все основания.

– Да брось! Ты в отличной форме. – Анна повернулась к подруге так стремительно, что пышные юбки разлетелись веером.

– Э, нет! Знаешь, какое бы тело я выбрала? – спросила она, мечтательно закатив глаза. – Слушай сюда! Ноги бы взяла как у негров...

– Чего? – открыла рот Анна. – Почему у негров?

– А брить не надо и всегда с загаром, – прыснула Нурия. – Дальше... Бедра выбрала бы понадежнее, поувесистее, а то меня всегда в троллейбусе пихают – сил нет. Вот был бы у меня квадратный зад, я бы им ка-а-ак двинула! И еще с таким сидеть удобнее, хоть на диване, хоть на деревянной скамье – всегда мягко.

Анна хихикала уже непрерывно. Нурия вдохновенно продолжала.

– Но главное... – она подняла вверх указательный палец, чтобы подчеркнуть важность момента, и выдержала эффектную паузу, – главное – бюст! Вот он уж точно должен быть большой!

– Думаешь, это красиво? – скептически спросила Анна, косясь на свой, третьего размера.

– Естественно! – последовал немедленный ответ Нурии. – Но я не только из-за красоты такой выбрала. Из-за удобства. Чтобы сразу замечать, что и где капнуло! Я пока на своем минус первом увижу – уже поздно! Надо в химчистку нести. А так бы все перед носом было. Еще деньги удобно хранить. В мой лифчик только одна десятка и влезает, а с бюстом – почти что сейф.

Теперь они хохотали в голос. Нурия придумывала все новые и новые способы усовершенствования внешности. Анна тоже втянулась. Из глаз обеих текли слезы от смеха.

– А вот лицо я, пожалуй, оставила бы... – задумчиво протянула Нурия, когда подруги прошли по всем остальным частям тела. – И совсем не потому, что оно мне сильно нравится. Из предосторожности. Представь: заявляюсь я домой на негритянских ногах, с бюстом, квадратной задницей да еще и с чужим лицом... – Анна представила и тихо сползла по стене, утонув в пенном облаке пышной юбки. Она задыхалась от смеха. – Во-о-т! То-то и оно! Меня же в дом не пустят! А если физиономию мою оставить, то, может, остального и не заметят.

Смехотерапия, к сожалению, действовала недолго. Анна вдруг подумала, что много смеяться накануне свадьбы – плохая примета. В душу снова закралась печаль.

- Хоть бы Макс позвонил, – с тоской прошептала она.
- Прекрати. Он и так замучил нас своими звонками, – сердито откликнулась Нурия. – Ему не положено видеть невесту до свадьбы, сама знаешь.
- Господи, это же просто суеверие, – всплеснула руками Аня. – Он мне сейчас так нужен!
- Ничего, до завтра не умрете, – фыркнула Нурия, выражая непреклонность.
- Анна опустила голову, разглядывая сверкающие камешки на юбке.
- Какие красивые стразы. Такие крошечные, а так переливаются. Даже глаза режет, честное слово, – сказала она, чтобы сделать подруге приятное.
- Стразы? – Нурия рассмеялась. – Бери выше, дорогая! Это настоящие бриллианты. Свекор моей дочери не привык к полумерам.
- Это все – бриллианты? – опешила Анна, забыв даже о своем скверном настроении.
- Естественно.
- Но их же тут целая куча!
- Всего-то сто штук, не переживай! Кроме того, они маленькие, – успокоила ее Нурия.
- Но как же я пойду в нем на улицу?
- А кто, кроме нас, знает, что это бриллианты? Так что не трусь, никто ничего не заметит, а ты будешь самой красивой невестой в городе.
- Анна собралась было возразить, но ее прервал настойчивый звонок в дверь.
- Мам! Звонят! – тут же громко доложил Ники, вприпрыжку устремляясь к двери.
- Анна еще раз покосилась на бесстыжее сияние драгоценностей на своем платье и нерешительно вышла в гостиную, подобрав пышные юбки.
- Аня, твоя мама пришла, – немного растерянно сообщил Кирилл, отодвигаясь в сторону, чтобы дать дорогу холеной женщине с огромным букетом голландских белых роз.
- Анна поморщилась.
- Мама, ну зачем? Ты же знаешь, что я не люблю розы.
- Глупости. – Даму нелегко было смутить. – Естественно, я в курсе, что твой вкус оставляет желать лучшего, но не думаешь же ты, что я, в моем положении, должна была принести тебе жалкие, убогие цветы, которые ты обожаешь.
- Ну, я не считаю, что сирень или жасмин такие уж жалкие цветы, – попыталась возразить Анна.
- Вот после свадьбы можешь заставить своим жасмином хоть всю квартиру, а сейчас, будь добра, делай, что я говорю. Макс, поставьте цветы в воду. – Она протянула Кириллу букет, пробормотав довольно отчетливо: – Господи, да он в сыновья ей годится. – И уже громче, обращаясь к дочери, сказала: – Анна, тебе не кажется, что на фоне своего будущего мужа ты будешь выглядеть ужасно старой?
- Кирилл, держа перед собой колючие розы, выпучил глаза, а Нурия тяжело вздохнула и отвернулась, кусая губы.
- Мама, это не Макс. Это его сын, – как можно спокойнее сказала Анна.
- Такой взрослый? – удивилась Тамара Федоровна, ничуть не смутившись от своей грубой ошибки и от сознания того факта, что до сих пор ни разу не видела избранника своей дочери в лицо.
- Да, мама, я тебе рассказывала... – все так же терпеливо сказала Аня. Но в ее объяснениях, очевидно, не слишком нуждались, так как мать перешла на другую тему, даже не дослушав.
- Почему ты мне сегодня не позвонила? – обиженно заговорила Тамара Федоровна.
- Прости, мама, я была занята. Я ведь предупредила тебя вчера...
- Глупости. Если бы ты была хорошей дочерью, то нашла бы пять минут, чтобы позвонить родной матери.

Анна подумала, что, говоря так, мама скромничает, – ни один разговор с ней не продолжался меньше двух часов.

– Какое миленькое платье! – с восхищением воскликнула Тамара Федоровна, словно только сейчас заметив, во что одета ее дочь. – Только, мне кажется, оно тебя полнит.

Нурия снова отвернулась, на этот раз для того, чтобы скрыть усмешку. За последние пару лет сама Тамара Федоровна сильно поправилась. Сейчас из ее пышного тела легко можно было выкроить две с половиной Анны, и кое-что еще осталось бы. Видя, что никто не собирается с ней спорить, матушка еще больше оживилась и продолжила непререкаемым тоном:

– А этот вырез! В твоём возрасте, дорогая, такое декольте неприлично. И стекляшки с юбки я бы спорила – слишком вульгарно.

– Это не... – начала было Анна, но Нурия лягнула ее сзади и с милой улыбкой выступила вперед:

– Давайте я поставлю цветы в вазу. Хотите чаю, Тамара Федоровна? Я приготовлю, а Ане еще надо переодеться и принять душ, если не возражаете.

Тщательно выщипанные брови женщины встали домиком от удивления.

– Как, и вы тоже здесь, Нурия? – процедила она.

– А как же! Не могла же я пропустить такой важный момент в жизни подруги, – стараясь казаться вежливой, ответила Нурия. – Так как насчет чая? Можно с валерьянкой. Вы ведь, наверное, волнуетесь?

Ники и Кирилл одновременно попятнулись, желая оказаться как можно дальше от покрасневшей от ярости дамы. Но Тамара Федоровна все же сумела сдержаться и выдавила:

– Спасибо, милочка. Чай я попью дома. Надеюсь, вы позаботитесь о том, чтобы завтра моя дочь не выглядела нелепо.

– Не беспокойтесь, ваша дочь так хороша, что ничего и делать не придется, – ответила Нурия.

После этих слов Тамара Федоровна спешно покинула квартиру, даже не сказав «до свидания». Анна, путаясь в длинной юбке, прошлепала по коридору, чтобы запереть за ней дверь.

– Что это было? – спросил ее Кирилл, как только она вернулась в гостиную.

– Ты же слышал – ее мать, – ответила за подругу Нурия, пытаясь затолкать пучок колючих цветов в большое эмалированное ведро.

– Это я слышал, – согласно кивнул парень, – но верится с трудом. Мне показалось, что у вас странные отношения. Хотя это, разумеется, совсем не мое дело.

– Понимаешь, – ответила Анна, – мама считает, что я не оправдываю ее надежд. Сама она очень удачно вышла замуж в сорок семь лет...

– И теперь вообразила себя эдакой генеральшей, перед которой все должны падать ниц, – с раздражением закончила Нурия. – Да она просто завидует тебе – твоей молодости, красоте, характеру.

– По-моему, это глупо, – пожал плечами Кирилл. – Молодость – это не награда. Кто-то может родиться богаче других, кто-то оказывается более талантливым... Но при чем тут молодость? Она достается всем поровну!

– Если ты такой умный, то в следующий раз изложи свою точку зрения ее матушке. Если после этого останешься жив, мы тебе с удовольствием поаплодируем, – улыбнулась Нурия.

– И все это неправда! – неожиданно воскликнул молчавший до сих пор Ники. – Аня никакая не толстая и не вульгарная, и не старая! Она – самая лучшая! А эта тетка – просто злая!

– Устами младенца глаголет истина, – хмыкнул Кирилл. – Что бы ни говорила только что посетившая нас леди, ты, Анечка, сногшибательная женщина, и, если откровенно, я с удовольствием поменялся бы с папашей местами.

– Увы, я свой выбор уже сделала, – развела Анна руками, притворно огорчившись.

Глава 2

Тактичная Нурия настояла, чтобы ночь перед свадьбой Анна провела одна, утверждая, что ей нужно хорошенько отдохнуть и выспаться. Организацию этого отдыха она взяла на себя, для начала вытолкнув Кирилла, а затем, прихватив Ники, который с удовольствием отправился к ней в гости, ретировалась сама, пообещав вернуться рано утром.

Одиночество и неожиданно наступившая тишина не принесли Ане желанного покоя. Тревога нарастала, лишая сна, не давая расслабиться. Не помогли ни снотворное, ни молоко с медом. Анна бродила по квартире, как будто баюкая свои дурные предчувствия, которые, подобно капризному младенцу, не желали засыпать сами и не давали расслабиться ей. Наконец она не выдержала и бросилась к телефону, чтобы услышать голос Макса и убедиться: все ее волнения – суцая чепуха. Она уже протянула руку к трубке, когда телефон вдруг зазвонил. Анна вздрогнула, как будто его звонок напугал ее до полусмерти, и испуганно уставилась на аппарат. Звонки продолжались, а она все не решалась взять трубку. Она даже потянулась к розетке, чтобы выдернуть шнур, но в последний момент передумала и торопливо, словно боясь снова передумать, схватила трубку.

– Слава богу, это ты! – с облегчением воскликнула она, услышав знакомый голос.

– Извини, Аня, что беспокою, но у меня плохие новости, – ответил Кирилл.

Анна опустила на ближайший стул, ноги ее не держали.

– Что случилось, где ты? – спросила она безжизненно ровным голосом, пытаясь унять бешено бьющееся сердце.

– У Макса.

– И что у вас там? Устроили мальчишник и перепились? – Она еще пыталась шутить, но страх уже пробрался под рубашку и тянул свои ледяные пальцы к ее горлу.

– Нет, Ань, все гораздо хуже. Макса арестовали, – выпалил Кирилл на одном дыхании.

– Как это? За что? – нервно хихикнула Анна. То, что она услышала, показалось ей настолько нелепым, что походило на дурную шутку.

– Ты только не волнуйся. Я и сам до сих пор в шоке, – бормотал Кирилл.

– Оставь это. Где Макс? Я могу с ним поговорить?

– Нет. Его увезли.

– Это какое-то недоразумение. В чем его обвиняют? – уже более спокойным голосом проговорила Анна.

– Ты знаешь о серии пожаров в домах местных богачей?

– Кажется, что-то такое слышала. Но при чем тут Макс?

– погоди. Не торопи меня, – попросил парень расстроено. – Я попытаюсь рассказать все по порядку, иначе ты не поймешь.

– Давай, только покороче.

– Пожары начались в середине лета. Поначалу им придавали мало значения. Дачный сезон, сама понимаешь. Несколько случаев списали на неисправную проводку и все такое. Квартиры выгорали дотла, а с ними, разумеется, деньги и документы. Но недавно в одной квартире «сгорела» металлическая шкапулка вместе с драгоценностями. После этого завели уголовное дело...

– Я все еще ничего не понимаю. При чем тут Макс?! – почти закричала Анна.

– Они нашли шкапулку...

– Замечательно. И что дальше?

– Они нашли ее у Макса. Только что. При обыске. Она лежала в лоджии, в ящике, где он хранил инструменты.

– Бред какой-то! Ты хочешь сказать, что Макс – тот самый вор? Да как ты смеешь!

– Анна! При чем тут я?! – чуть не плача, воскликнул Кирилл. – Эти люди... Они вломились в дом, у них был ордер... Они даже не особенно искали, сразу пошли в лоджию и там нашли проклятую шкатулку, канистру с бензином, несколько упаковок резиновых перчаток. Они даже слушать ничего не захотели, просто надели на него наручники и увели.

Кирилл старался говорить мягко, опуская подробности ареста, но его слова казались жестокими и беспощадными, как удары молотка, загоняющего гвозди в крышку гроба.

Анна молчала так долго, что Кирилл заволновался, не упала ли она в обморок.

– Аня, Аня! Что с тобой? Ты меня слышишь? – взволнованно закричал он в трубку.

– Не ори, пожалуйста, – раздался в ответ ее тихий голос, из которого в один момент ушла жизнь. – Макса подставили. Только кто? – пробормотала она. – Ладно. Я что-нибудь придумаю.

Раздались короткие гудки. Анна отсоединилась.

Аккуратно положив трубку на рычаг, она повернулась к телефону спиной и медленно пошла на негнущихся ногах, переставляя их очень осторожно, словно больная, проведенная несколько месяцев в постели, к широкой тахте. Опустилась на нее, не отдавая себе отчета в том, что делает, и обвела комнату рассеянным взглядом. А заметив свадебное платье, все так же висящее на стене, вдруг засмеялась. Она смеялась все громче и громче, пока наконец не пришли слезы. Тогда она упала, уткнулась лицом в подушку, прижала маленькие кулачки к щекам, и громкие судорожные рыдания сотрясли все ее тело.

Постепенно жалобный плач становился тише, как будто со слезами уходила ее боль, а может быть, она просто выбилась из сил. Поднявшись, Анна вытерла руками слезы со щек, несколько раз шмыгнула носом и глубоко вздохнула. Слез не осталось. Это означало, что пришла пора действовать.

Она ни минуты не сомневалась, что Макс невиновен. Она видела людей насквозь, зачастую страдая от своего дара, но сейчас ее редкое умение сослужило хорошую службу – она была уверена, что Макс не вор. И тем не менее шкатулку нашли в его доме. Единственное, как можно объяснить сей факт – улику подбросили. Беда в том, что в милиции этому не поверят. У них наметилось блестящее раскрытие серии преступлений, они получили вора на блюдечке с голубой каемочкой, а на гарнир – необходимые улики. Переубедить их будет сложно, если вообще возможно. Так что же делать?

Напрягаясь изо всех сил, Анна пыталась отыскать хотя бы малейшую лазейку, но тщетно. Неожиданно она услышала негромкий звук, который мешал ей сосредоточиться, и с удивлением обнаружила работающий телевизор. До сих пор она не обращала на него внимания, и только теперь, в полной тишине, до нее донеслось невнятное бормотание. Она заставила себя подняться, чтобы выключить телик, да так и замерла, уставившись в экран. Она внимательно следила за коротким сюжетом, напрягая слух, чтобы расслышать комментарии шустрой корреспондентки. Когда сюжет сменился рекламой пива, Анна улыбнулась и облизнула губы. В голове у нее возник план, в случае успешной реализации которого Макс мог вскоре оказаться на свободе. О том, что ее план граничит с безумием, она в этот момент не думала.

* * *

Человек, который привлек ее внимание, был ей хорошо знаком. Он был из числа самых влиятельных людей города, не столько знаменитых, сколь могущественных. Еще он был богат. Очень богат, если говорить точнее. А еще он был сволочью...

Есть люди, благосостояние которых определяется степенью их популярности. К их числу относятся артисты, шоумены, спортсмены и видные политические деятели. Существуют и другие. Мало кто знает их в лицо, не подозревая о том, что в их руках сосредоточена огромная власть, которой люди нечистоплотные пользуются в личных целях. К числу последних принад-

лежал и Селен Серафимович Налимов, с которым Анна сталкивалась несколько раз благодаря своему отцу, тоже не последнему человеку в городе.

Еще до Анны доходили сведения, слухи, большая часть из которых являлась фактами. Официально Налимов занимал скромную должность секретаря Совета безопасности. Анна плохо представляла, что это такое, но в любом случае вряд ли его должность позволяла бы скопить денег на два огромных четырехэтажных коттеджа в самых элитных местах города, квартиру в престижном доме, набитую от пола до потолка суперсовременной, бешено дорогой мебелью и бытовой техникой. А к имеющейся уже недвижимости, по слухам, в последнее время прибавился еще один особняк, до недавних пор принадлежавший близкому другу скромного секретаря.

Дома были не единственной страстью Налимова. Он коллекционировал машины и драгоценности, красивых моделек и антикварное оружие. Анне не раз приходила в голову мысль о том, сможет ли этот человек когда-нибудь насытиться? Самое интересное, что ему все сходило с рук, а придраться, ясное дело, было к чему. Спасала проходимца исключительная изворотливость при полном отсутствии совести.

Одна из расхожих баек о нем гласила, что своего положения он достиг весьма оригинальным путем. Еще во времена достаточно далекие от сегодняшнего дня он вращался в кругах политической элиты, хотя и занимал довольно скромное место в табели о рангах. На одной из традиционных пооек, в которой участвовала почти вся властная верхушка, веселье было в полном разгаре: море дорогого коньяка, эффектные девицы из модельного агентства, пьяные откровения и все такое прочее. Неприятность произошла на следующее утро, когда на стол вышестоящего начальства легла маленькая кассета, на которую были подробно засняты эти художества. Должно быть, зрелище вышло впечатляющим. Досталось всем. Получившие по лбу чиновники долго чесали в затылках, пытаясь понять, кто же устроил им такую подлянку. Но даже их обширные связи не помогли вычислить «предателя», хотя ответ, казалось бы, лежал на поверхности – один из присутствовавших на том злосчастном междусобойчике не только не пострадал, но и поднялся вскорости по служебной лестнице на недостижимую высоту.

До сих пор Анна относилась к Налимову с легкой брезгливостью. Его политические интриги и явная склонность к воровству ее мало волновали, ибо она справедливо полагала, что остальные люди из его окружения не намного лучше. Она видела в неумности Селена Серафимовича только желание компенсировать то, что недодала ему природа, – он был очень маленького роста и носил совершенно дурацкое имя. В детстве ему здорово доставалось от сверстников, поэтому, став взрослым, он стремился самоутвердиться, не брезгуя ничем для достижения своей цели. Где бы он ни находился, он всегда старался привлечь к себе внимание и однажды чуть не поплатился за это жизнью, когда попытался преодолеть крутой спуск в овраг, где едва не свернул себе шею. Одной из его неприятных склонностей являлось страстное желание произносить нескончаемые тосты, прервать которые было просто невозможно. К концу такого спича оратор порой сам забывал, с чего начал и чем собирался закончить, а уж остальным и вовсе было не под силу разобраться в его словесном недержании. Но перебить его не смел никто.

Чтобы уничтожить человека, «скромному» секретарю требовалось от нескольких часов до нескольких суток. И делал он это с удовольствием, используя, если можно так выразиться, творческий подход. После его вмешательства от человека оставалось мокрое место. Именно поэтому то, что задумала Анна, можно было назвать самоубийством. Но отступить она не собиралась.

В дверь позвонили как раз в тот момент, когда она торопливо натягивала черную водолазку. Нетерпеливо тряхнув головой, она попыталась не замечать длинных трелей дверного звонка, надеясь, что посетитель уйдет. В целом мире не было сейчас ни единого человека, приходу которого она бы обрадовалась. Но гость попался упертый. Она успела надеть и застегнуть

джинсы, забрать волосы в тугой пучок и зашнуровать кроссовки, а в дверь продолжали звонить все так же настойчиво. Анна не выдержала и, едва сдерживая раздражение, распахнула дверь, приготовившись послать куда подальше всякого, кто окажется по ту сторону.

– Привет, – нерешительно улыбнулся Кирилл, когда ее свирепая физиономия появилась в дверном проеме.

– Чего тебе? – не слишком ласково откликнулась Анна, попутно роясь в своей сумке в поисках ключей.

– Я подумал, что тебе плохо одной...

– Мне хорошо, – отрезала Анна. – Отправляйся домой.

– Ты куда-то собралась?

– Тебя это не касается.

– Анна, что ты задумала? – Кирилл схватил ее за плечи, встряхнул, заставляя поднять сухие, но все еще красные от недавних слез глаза.

– Слушай, Кирилл, шел бы ты отсюда... Я сейчас не в настроении вести светские и тем более душеспасительные беседы. Понял?

– Как грубо, – усмехнулся Кирилл. – Совсем на тебя не похоже.

– Ты прав. Последняя новость отрицательно сказалась на моей благовоспитанности. Так что дай мне пройти, не стой на дороге.

Анна попыталась вывернуться из крепких пальцев, но ей это не удалось. Она с досадой подумала, что Кирилл гораздо крепче, чем кажется на первый взгляд. Он был моложе, но все-таки был мужчиной, и Анне пришлось смириться с поражением.

– Чего ты хочешь? – устало спросила она.

– Чтобы ты рассказала мне, что собираешься сделать. Подозреваю, что ты задумала глупость. Отец не простит мне, если я позволю тебе ее совершить и вляпаться в неприятности, – охотно сообщил парень.

– А вот это видел? – Анна сложила из пальцев маленький кукиш и сунула это сооружение под нос гостю. – Отпусти немедленно и убирайся к чертовой матери.

– И не подумаю, – спокойно заявил Кирилл. Затем легонько толкнул Анну, отчего она влетела в собственную прихожую спиной вперед. Кирилл вошел следом и аккуратно прикрыл за собой дверь.

От такого самоуправства Анна потеряла дар речи. Она затравленно смотрела на юношу, как зверек, угодивший в стальной капкан, и беззвучно открывала и закрывала рот.

– Пошли на кухню. Расскажешь, что надумала, – изложил свои намерения Кирилл и добавил с нажимом: – Без этого я отсюда не уйду.

Анна стиснула зубы и неохотно последовала за ним. Когда она вошла в кухню, Кирилл уже сидел возле стола и уходило явно не собирался.

– Присаживайся, – предложил он, указывая рукой на табуретку.

– Надо же, а мне казалось, что я у себя дома, – хмыкнула Анна, оставаясь на ногах. Она прислонилась спиной к стене и уставилась на парня, упрямо сжав губы.

– Рассказывай, что собралась сделать, – потребовал Кирилл, выдержав ее взгляд, весьма далекий от приветливого.

– Да ничего особенного. Хочу совершить кражу, – пожалала Анна плечами и добавила: – С поджогом.

* * *

– Ты спятила? – задал Кирилл вопрос, на который сам же и ответил: – Точно, спятила.

Анна скривила губы, что должно было означать улыбку, но ее гримаса больше напоминала хищный оскал.

– Максу так не поможешь, даже в том случае, если тебе удастся осуществить задуманное, – пояснил Кирилл.

– Ошибаешься. Это единственное, что может ему помочь. Если окажется, что кражи продолжаются, то у правоохранительных органов возникнет сомнение, что они взяли того, кого надо.

– Но они его не отпустят, тут даже надеяться глупо, – горячо возразил Кирилл, хмуря светлые брови.

– Возможно. Но у них уже не будет уверенности в своей правоте.

– И что это даст?

– Время, естественно. Время, которое необходимо для того, чтобы вычислить мерзавца, подставившего твоего отца.

Кирилл нахмурился, задумчиво потирая подбородок. Потом серьезно посмотрел на Анну и сказал:

– Все равно то, что ты задумала, – безумие. Даже если ты и права. Как ты найдешь преступника?

– Ну, это не проблема, – ухмыльнулась Анна.

– Надеешься на свои способности?

– И на них тоже. Я достаточно хорошо знаю знакомых Макса. Подставил его один из тех, кто бывал в доме. Мне понадобится не слишком много времени, чтобы вычислить этого человека.

– Ну хорошо, положим, рано или поздно ты его вычислишь. Но ты же не можешь всерьез рассчитывать, что запросто ограбишь чью-то квартиру? Кстати, кого ты собралась осчастливить? Я правильно понял – ты уже наметила жертву?

– А как же, – недобро усмехнулась Анна.

– И не стыдно?

– Ни капельки, – помотала она головой. – Во-первых, тот, кого я собираюсь ограбить, отменная сволочь. Во-вторых, я не собираюсь присваивать себе его барахло. Когда все закончится – найду способ вернуть. Мне чужого не надо.

– Идеалистка, – презрительно фыркнул Кирилл. – Так кто он?

– Налимов, – равнодушно сообщила Анна. – Слышал о таком?

Кирилл вскочил на ноги, как будто только что обнаружил, что сидит на целом семействе сердитых ежей с отравленными колючками. Несколько минут он талантливо изображал пантомиму, размахивая руками и хватаясь за голову, при этом страшно вращая глазами. И наконец выдал из себя единственное слово:

– Идиотка!

У Анны не было сил на то, чтобы обидеться, и времени на то, чтобы подобрать достойный ответ. Поэтому она просто развернулась и решительным шагом двинулась в прихожую. Кирилл догнал ее на полпути и схватил за плечо.

– Ты никуда не пойдешь, – категорично заявил он.

Анна медленно развернулась и посмотрела ему в глаза так, что он опустил руку и застонал, с силой колотя себя по коленям.

– Молодец, – удовлетворенно кивнула она. – Только не надо так расстраиваться.

– Анна, остановись. Если тебя поймут... это... это будет катастрофа!

– Кто меня поймает? – поинтересовалась Анна, не оборачиваясь.

– Охрана, сам Налимов... не знаю... там же сигнализация!

– Не бойся. Только что я узнала из телерепортажа, что Налимова нет в городе. Он отбыл с визитом в соседнюю область, грозясь навести там образцовый порядок в рядах коррумпированных чиновников. Смешно, правда?

Кирилл даже не улыбнулся. Он молча шел за Анной, тяжело дыша ей в затылок. В такой последовательности они вышли из квартиры и подошли к лифту. Анна нажала на кнопку и поправила висящую на плече сумку. Она почти не обращала внимания на своего спутника, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Ее удивляло то, что она практически не волновалась. Как будто собиралась не преступление совершить, а пойти прогуляться перед сном. Она понимала, что выдержка может ей изменить, и молилась только о том, чтобы это произошло не в самый ответственный момент.

Садясь в машину, Анна обнаружила, что Кирилл дергает противоположную дверцу.

– А ты куда собрался? – удивилась она.

– С тобой, разумеется. Будем грабить твоего караса вместе. Вместе и сядем в случае чего, – мрачно пошутил он.

– Не глупи. Ты не можешь ехать со мной, – заволновалась Анна.

– Попробуй меня остановить, – хмыкнул Кирилл. – Давай садись за руль и поехали. Уже двенадцатый час.

– И что?

– Ну, конечно, ты у нас профессионал в квартирных кражах. Только посмею напомнить, что в том доме, куда ты собралась, внизу сидит круглосуточная охрана. Ночью каждый посетитель замечен больше, чем днем. Впрочем, я надеюсь, что тебя затормозят уже на входе, и мне останется только проводить тебя до дома и уложить в кровать, чтобы ты проспалась и выкинула из головы всякую дурь.

– Закончил? Теперь слушай меня внимательно: охрана меня пропустит, так как в этом доме живет моя хорошая знакомая и бываю я там довольно часто. На лестничной площадке мне ничего не угрожает, так как вход в каждые две квартиры на этаже находится внутри тамбура, а он – за глухой дверью без глазка. Улавливаешь?

– Допустим. Но как же сигнализация?

– А у Налимова ее нет, – хихикнула Анна. – Он уверен, что в городе не найдется ни одного сумасшедшего, который рискнет посягнуть на то, что принадлежит ему.

– В этом он глубоко ошибался. Один сумасшедший уже нашелся.

Все оказалось так, как и предполагала Анна. Они беспрепятственно прошли внутрь шестнадцатизэтажной башни из красного кирпича, расположенной в самом центре города. Собственно, чинить им препятствия было попросту некому – охранника на посту не было. Квартира Налимова располагалась на втором этаже, и они поднялись по лестнице. Анна сразу направилась к нужной квартире, но перед самой дверью в тамбур слегка притормозила.

– И как ты намерена ее открыть? – заинтересованно спросил Кирилл, правильно истолковав ее замешательство.

– С помощью шпильки. Я читала, что это не так уж сложно, – преувеличенно бодро сказала она.

– О господи! – прошептал парень. – Она читала! А как насчет практики?

– С ней посложнее, но никто не мешает попробовать, – призналась Анна.

– Дай сюда.

Кирилл отобрал у нее шпильку, посмотрел и бросил на пол, негромко выругавшись. Потом порылся в своих карманах, достал небольшой брелок и склонился к замочной скважине. Анна не видела, что он там делал, но через минуту что-то щелкнуло и Кирилл легонько толкнул дверь, которая бесшумно отворилась.

Общий коридор освещала тусклая лампочка. Внутри тесного тамбура с дверями в две квартиры Анна разглядела стеклянные плафоны, по одному над каждой дверью, но ее руку, непроизвольно потянувшуюся к выключателю, перехватил Кирилл, который молча покрутил пальцем у виска. Анна скорчила в ответ гримаску и шагнула к двери, стараясь ступать как можно тише. Внезапно она замерла, сделав Кириллу знак остановиться. Тот повиновался, хотя

и не понимал, что случилось. На площадке было тихо, жильцы мирно спали и не спешили проявлять любопытство. Тем не менее Анна удивленно приподняла брови, прислушиваясь к своим ощущениям. У нее ощутимо покалывало кожу на лице и руках. Она хорошо понимала, что это означает, хотя с трудом могла поверить в подобный сюрприз.

– В чем дело, Аня? – спросил Кирилл, приблизив губы к самому ее уху, так что слова больше напоминали легкое дыхание.

– Невероятно! – так же тихо ответила она. – У него на двери стоит защита от воров, и очень мощная.

Даже в темноте было заметно, как побледнел Кирилл.

– Ты же говорила, что у него нет сигнализации.

– При чем здесь сигнализация? Тут другое. Я говорю о магической защите!

– Бред какой... Что за чушь ты несешь? Давай побыстрее покончим с этим и уберемся подобру-поздорову.

Кирилл слегка отодвинул ее, но девушка ухватила его за шкурку и с силой оттолкнула в сторону.

– Отвали, – негромко, но убедительно сказала она.

Ей потребовалось две минуты на то, чтобы обнаружить защиту. Она присела на корточки и провела ладонью над порогом, негромко приговаривая слова на незнакомом языке. Еще пять минут ушло на то, чтобы вытащить из порога два небольших гвоздя, на которые было наложено заклинание. Того, кто без приглашения переступил бы заговоренный порог, в перспективе ждала куча неприятностей, включая и летальный исход. Хотя девяносто девять процентов воров просто бросились бы наутек, почувствовав необъяснимый приступ страха. Вытаскивая второй гвоздик, Анна негромко выругалась. Кирилл, который за это время взмок от волнения, как мышь под метлой, спросил встревоженно:

– Что-то не так?

– Ага. Ноготь сломала.

– Тьфу, – пожал плечами Кирилл.

– Не плюй на пол, уважай труд уборщицы.

Кирилл только тяжело вздохнул и приступил к изучению замка.

– Надо же, замок самый простецкий, – удивился он, когда ему удалось отжать язычок. – Путь свободен. Ты еще не передумала?

Анна помотала головой и, вздохнув поглубже, проскользнула в квартиру. Кирилл последовал за ней.

* * *

Сквозь широкие окна с поднятыми жалюзи попадало достаточно света от уличного фонаря, чтобы разглядеть роскошную обстановку квартиры, в которую заговорщики попали. Изделия из кожи, бронзы и мореного дуба наполняли просторные комнаты. Ноги утопали в густом ворсе ковров. Кирилл отправился в спальню, Анна же прошла в комнату, напоминавшую гостиную. Глаза ее привыкли к темноте настолько, что она смогла различить детали пышной обстановки, основной целью которой было подавлять возможного гостя баснословным богатством. Чего стоил один только шелковый ковер под ногами. Его возраст и цена были одинаково солидными. Ане впервые стало не по себе от того, что она собиралась сделать. Ей было жаль эту красоту, которой суждено погибнуть в огне. Она крепко зажмурилась, приказывая совести замолкнуть хотя бы ненадолго.

Чтобы не думать о чудовищности задуманного, Анна принялась быстро осматривать полки и ящики, которые выдвигала один за другим. Ее поразило то, что деньги и драгоценности лежали практически на самом виду, их никто и не думал прятать. Налимов был уверен

в безопасности жилища, полагаясь на мощную защиту магического оберега. Хотя, возможно, гораздо больше уверенности ему давало сознание собственного могущества: в городе у него не было и не могло быть достойных противников, даже среди бандитских группировок.

Покидав в сумку то, что она сочла наиболее ценным, Анна собралась побыстрее покинуть квартиру и тихо окликнула Кирилла. Тот не появлялся. Тогда она отправилась на поиски. Кирилл все еще был в спальне. Анна ступала почти бесшумно, но парень мгновенно обернулся, едва она вошла. В руках у него что-то поблескивало.

– Пора уходить, – прошептала Анна.

– Хорошо, – кивнул он, подняв руку в знак согласия, позабыв о том, что сжимает в ней некий предмет.

– Что это такое? – спросила Аня, слегка прищурившись, чтобы разглядеть небольшой овальный предмет, по форме напоминающий куриное яйцо, только несколько большего размера.

– Если я правильно понял, один из шедевров Фаберже, – сказал Кирилл, протягивая ей золотую игрушку. – Изделие не из тех, что были поставлены на поток в его мастерской, а коллекционное, созданное в единственном экземпляре. За такую штучку музеи передрались бы в пух и прах. Не смог удержаться и взял посмотреть.

– Красивое, – согласилась Анна, любуясь тонкой работой.

Это было одно из пасхальных яиц, которых великим ювелиром было изготовлено множество. Вещица, несмотря на кажущуюся простоту, и в самом деле отличалась каким-то особым очарованием, словно хранила тепло рук гениального мастера. Маленькая золотая курочка на макушке яичка выглядела почти как живая и словно поглядывала на девушку лукавым черным глазком. Анна заметила тонкую полоску, выложенную двумя рядами изумрудов, которая разделяла яйцо на половинки ровно посередине, и собралась заглянуть внутрь.

– Нет времени, Аня. Нам пора, – остановил ее Кирилл.

Он протянул руку, чтобы забрать яйцо и положить его на место, но его спутница, покачав головой, отвела свою руку в сторону и аккуратно положила яйцо в сумку, пояснив:

– Я не хочу, чтобы с ним что-то случилось.

Установив примитивное устройство замедленного действия, которое должно было сработать через несколько минут после их ухода, и разлив по комнатам принесенный с собой бензин, Анна и Кирилл спешно покинули место преступления. В последний момент Анна едва не передумала. Как бы там ни было, а она только что совершила мерзкий поступок, поэтому на душе стало мутно, а в горле застрял тугий ком. Анна рванулась было обратно, чтобы потушить фитилек, но Кирилл схватил ее за руку:

– Теперь уже поздно. Уходим, – прошептал он ей в ухо.

Аня повиновалась, действуя как в страшном, отвратительном сне, когда хочешь убежать или проснуться, но никак не можешь это сделать.

Выйдя из квартиры, они поднялись двумя этажами выше, и Анна позвонила в квартиру под номером тридцать один. Из-за двери, несмотря на поздний час, слышалась музыка и чей-то громкий смех. Как и предполагала Анна, спать здесь не собирались. Дверь открыл незнакомый парень, который приветствовал их радостным воплем, хотя совершенно определенно видел впервые в жизни. На его клич примчалась полуодетая хозяйка, которую ничуть не удивил поздний визит. Гостей втащили внутрь и предложили выпить штрафную. Все присутствующие, а их, кроме хозяйки, было человек восемь, находились в такой степени подпития, что никому и в голову не пришло удивиться, что парочка новых гостей явилась без приглашения.

Не задавая лишних вопросов, Катерина налила «Хенесси» в две рюмки, уже явно до того использованные кем-то. Кирилл слегка скривился, зато Анна хлопнула рюмку не задумываясь, под дружное «ура». Приятное тепло согрело тело, но колкая льдинка то ли страха, то ли самосуждения, застрявшая где-то в области сердца, так и не растаяла.

Через десять минут Анна и Кирилл ушли из гостеприимного дома в твердой уверенности, что наутро никто из оставшихся не вспомнит, пробыли ли они там десять минут или несколько часов.

На этот раз охранник, одетый в милицейскую форму, был на своем месте. Он слегка кивнул головой, увидев Анну. Она заставила себя улыбнуться в ответ. Пока они шли к машине, ей стоило большого труда не припустить бегом. Когда Анна упала на водительское сиденье, ее зубы выбивали такую барабанную дробь, что в конкурсе барабанщиков она взяла бы Гран-при.

Кирилл пристроился рядом, но Анна отрицательно покачала головой.

– Дальше я поеду одна, – сказала она твердо.

– Ты мне не доверяешь?

– После того, что я сделала, я не доверяю даже самой себе, – грустно ответила она. – Я довезу тебя до остановки и высажу, хорошо?

– Как знаешь, – с обидой в голосе сказал Кирилл и отвернулся к окну.

Оставшуюся часть ночи Анна провела на ногах. Она впала в какой-то ступор и не чувствовала усталости. Первым делом она заехала к Нурии. Ники спал. Анна коротко сообщила о том, что случилось с Максом, ни словом не упомянув о посещении квартиры Налимова. Подруга еще раз доказала свою преданность: не задавая лишних вопросов, она быстро собрала самое необходимое, вдвоем они одели полусонного малыша и всего через двадцать минут уже мчались в сторону пригорода.

Когда Анна возвращалась обратно, занимался рассвет. Окно машины было открыто, и она чувствовала, как обжигает лицо горячий ночной воздух, видела бегущие по небу облака и изумительные краски нарождающегося дня, обагрившие восток. Она стиснула зубы. Это зарево напомнило ей зарево пожара...

Глава 3

Ключ повернулся в замке со странным щелчком, но Анна не обратила на него внимания. Ничего не подозревая, она вошла в прихожую, скинула туфли и взглянула на себя в зеркало. Под глазами залегли темные тени, черты лица заострились, губы были сжаты в тонкую линию. У нее не осталось сил даже на то, чтобы огорчиться по поводу своего плачевного вида. Она подняла было руку, чтобы поправить растрепавшиеся волосы, но бессильно уронила ее. Тяжело волоча ноги, она побрела в ванную, взялась за ручку и услышала позади себя резкое:

– Стоять! Не двигаться! Руки за голову.

От неожиданности Анна икнула и машинально повиновалась. Чьи-то грубые руки обшарили ее тело, потом ее рывком повернули спиной к стене, и она наконец увидела говорящего. Точнее, она увидела двоих. Их форма и непроницаемые лица не оставляли сомнений относительно рода их деятельности. «Так быстро?» – пронеслось у нее в голове, но ни страха, ни огорчения она не испытывала, скорее уж облегчение оттого, что все столь быстро закончилось.

Из комнаты неторопливо вышел еще один человек в форме, который разглядывал Анну с нескрываемым любопытством и некоторой брезгливостью, как будто обнаружил на стерильном кухонном столе рыжего таракана с зелеными усами. Необычно, но противно.

– С возвращением, – ухмыльнулся он, засовывая руки в карманы и с трудом сдерживая зевоту. – Любите ночные прогулки?

– А в чем дело? – без особой надежды на ответ спросила Аня.

– Вот только этого не надо! – неожиданно окрысился главный. – Вы прекрасно все понимаете, гражданка Сомова. Долго же мы вас ловили. Но, сколько веревочке ни виться...

Анна поморщилась.

– Может, все-таки объясните? Или документы какие-нибудь предъявите? – спросила она.

– Ишь какая подкованная! – хмыкнул один из парней, тот, кто ее обыскивал. – И красивая. Даже жалко, что воровка, по виду и не скажешь.

– Заткнись, Скворцов, – отрезал старший и снова посмотрел на хозяйку квартиры тяжелым взглядом. Потом достал из-за пазухи красные «корочки», развернул и ткнул под нос Анне. Она инстинктивно отшатнулась и успела заметить только фамилию, написанную аккуратным каллиграфическим почерком: Банников.

Через плечо этого Банникова Анна видела перевернутую вверх дном комнату. Свадебное платье белым сугробом валялось в углу. Глаза Ани наполнились слезами.

– Вы арестованы по обвинению в серии квартирных краж. Вот ордер, – сообщил Банников официальным тоном. – Признаете себя виновной? – с иронией спросил он.

Анна посмотрела на него сквозь мутную пелену, застилающую глаза, облизнула пересохшие губы и ответила:

– Да.

– В машину ее, – после некоторого замешательстваскомандовал Банников.

* * *

В камере следственного изолятора, куда Анну доставили в наручниках, соседей не оказалось, если, конечно, не принимать в расчет нескольких крыс, которые чувствовали себя в сыром, затхлом помещении вполне комфортно. Сквозь крошечное зарешеченное окошко под самым потолком, покрытое с двух сторон толстым слоем грязи, которую наверняка даже не пытались смыть с самого дня постройки здания, то есть с начала прошлого века, свет пробивался из чистого упрямства. Анна держалась тоже из одного упрямства. Разувшись и подобрав

под себя ноги, она сидела в самом углу жесткой лежанки и безучастно следила за снующими по полу крысами. Она не пошевелилась даже тогда, когда одна из них попыталась грызть шнурки на ее кроссовках.

Лязгнул засов, Аня медленно повернула голову.

– Сомова, на выход, – кашлянув, приказал молоденький охранник.

Она повиновалась, не раздумывая, не зная, куда и зачем ее ведут по длинному гулкому коридору. Она ожидала снова увидеть Банникова, который отпустил ее всего полчаса назад, измучив длительным допросом, на котором засыпал ее множеством вопросов, на большинство из которых она не знала ответа. Чаше других повторялся вопрос о том, где она спрятала награбленное. Что могла ответить Анна? Ведь она и в глаза не видела украденного, за исключением тех вещей, которые вынесла из квартиры Налимова. Она не имела ни малейшего опыта общения с милицией, но что-то подсказывало ей, что торопиться с признанием не следует. Анна угодила в более чем скверную историю. Она думала, что ее никогда не поймают, ведь свой ночной налет она тщательно продумала. Но судьба была против нее. Самым сильным ударом для новоиспеченной преступницы оказались фотографии – обыкновенные фото размером девять на двенадцать, на которых отчетливо была видна Анна в тот момент, когда находилась в квартире Налимова. Откуда взялись снимки, Анна не понимала. Но они означали, что у нее нет ни единого шанса вывернуться, к ее несчастью и к радости старшего следователя по особо важным делам полковника Банникова.

Конвоир заставил Анну свернуть в боковой коридор. Слабая тень удивления мелькнула на ее лице, когда они остановились перед незнакомой дверью. Милиционер впустил ее. Щурясь от яркого света, она увидела пустую комнату с голыми стенами, посреди которой стоял обшарпанный стол и два убогих стула. На одном из них сидел бледный как полотно Кирилл.

– У вас пять минут, – буркнул конвоир и вышел за дверь.

– Анна, я иду с повинной, – выпалил парень, как только они остались одни.

Анна подошла к столу, оперлась на него широко расставленными руками, наклонилась и прошипела:

– Даже и не думай!

– Это несправедливо. Мы были там вместе, ты не должна отвечать за все одна, – продолжал упорствовать парень.

– Я сказала – не смей. Где Макс?

– Его выпустили.

Анна моментально уловила, что его голос звучит как-то странно, и насторожилась:

– Что? – коротко спросила она.

– Дело в том, что мы, наверное, разминулись. Он позвонил мне, сказал, что его отпускают. Я задержался всего чуть-чуть – попал в пробку, но, когда подъехал, его уже не было, и я не знаю, где он, – растерянно сообщил Кирилл.

Глаза Анны расширились. Она прикусила губу, чтобы унять дрожь. Мысли, одна другой мрачнее, вихрем завертелись в ее воспаленном мозгу. Она слышала голос Кирилла, как сквозь толстый слой ваты, и не сразу вникла в смысл того, что он говорил:

– Анна, мы тебя вытащим, найдем лучшего адвоката...

– Бесполезно. У них есть фотографии.

Кирилл побледнел еще больше.

– Какие фотографии?

– Мои, естественно, – усмехнулась Анна. – И не на лоне природы, а в квартире Налимова, что самое неприятное.

– Но откуда?!

– А черт его знает... Наверное, в комнате были видеокамеры. Вот что значит быть непрофессионалом.

– Но ведь ты же не совершала остальные кражи! Шкатулку вообще нашли у Макса.

– Это еще один минус для меня. Менты в курсе наших отношений. Наверняка считают, что я шкатулку и подбросила.

Она старалась говорить спокойно, но голос ее не слушался. В горле пересохло, к глазам подкатили слезы. Она испытывала панический ужас, но не перед наказанием. Ее пугало и приводило в отчаяние то, что Макс подумает, будто это она подставила его. Он уже пережил предательство женщины, которую любил, после чего спрятался надолго в дикой сельве, ведя почти животный образ жизни. Теперь он может отчаяться навсегда, если решит, что Анна, которая сумела растопить в его сердце лед недоверия, тоже предала его.

– Анна, ты только держись, – донесся до нее голос Кириллы. Анна тряхнула головой, несколько слезинок выкатились из глаз и поползли по щекам. – У меня для тебя записка. От твоей мамы, – попытался он подбодрить ее.

Аня взяла сложенный вчетверо листок бумаги и развернула. Строчки прыгали у нее перед глазами. Она потерла рукой глаза, смахивая слезы, и прочла: «Анна! Ты опозорила нашу семью! Я больше не желаю иметь с тобой ничего общего. Можешь не надеяться, что твой отчим вмешается в это грязное дело. Ты – преступница и будешь отвечать по закону».

Подписи не было. Дочитав до конца, Анна аккуратно свернула записку, положила ее на край стола, поднялась на ноги. И тут все завертелось вокруг нее. Ее будто ударили обухом по голове, к горлу подступила тошнота. Она пошатнулась и провалилась в бездонную черную яму.

* * *

Когда Анна очнулась, ее удивил яркий свет, который нестерпимо резал глаза, и ослепительная белизна вокруг. Она слегка повернула голову, заметила широкие окна с белыми ситцевыми занавесками, прикрывающими решетку, вдохнула запах дезинфекции и поняла, что находится в больнице. Мысль вползла в мозг лениво, причиняя боль. В палате никого не было, но она не сомневалась, что за дверью дежурит охранник. Она усмехнулась: его присутствие было излишней предосторожностью, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Скрипнула дверь, она скосила глаза в ту сторону и зажмурилась, так как от этого простого движения в мозгу как будто взорвались две петарды, рассыпав сноп обжигающих искр.

– Очнулась? – спросил женский голос. Превозмогая боль, Анна открыла глаза и увидела женщину в белом халате. – Ну вот и умница. Сейчас примем лекарство.

– Почему я здесь? – спросила Анна и не узнала свой голос. Он походил на тихий свист из проколотой шины.

– А где ж тебе быть после инсульта? – удивилась медсестра.

– Инсульта? Разве это был не обморок?

– Какое там. У тебя, деточка, субарахноидальное кровоизлияние в мозг.

– А что это?

– Ничего хорошего. Можешь мне поверить. Тебе повезло, что паралич не разбил. Организм молодой, сильный – поправишься. Поделаем тебе укольчики, полежишь в постели недельку-другую и...

– Обратно в тюрьму, – невесело закончила Анна. Женщина внимательно посмотрела на нее и покачала головой. – Вы странно разговариваете со мной.

– Что ж странного? – удивилась женщина.

– Ну, я ведь преступница, а вы меня жалуете.

– Для медиков все равны. Преступник – тоже человек, – довольно резко возразила женщина. Она помолчала, потом присела на край аккуратно заправленной койки. – Знаешь, что я тебе скажу? Наговариваешь ты на себя, вот и все дела.

– С чего вы взяли?

– Или я преступников не видела? Ты, девка, сама себя в капкан загнала. Для чего – не знаю, а только зря это. Никто не стоит такой жертвы. Люди – они неблагодарные, добро быстро забывают, а то и злом отплатить норовят. Послушай меня, спасай свою свободу, куда можно.

– А если поздно?

– Никогда не поздно, поверь моему опыту.

После этих слов женщина как будто спохватилась, сжала губы и, пряча от больной взгляд, поспешно вышла из палаты.

Анна осталась одна. Она неподвижно пролежала до наступления темноты, страдая от душевной боли сильнее, чем от физической. За окном стемнело. Анне было горько, ей казалось, что она потеряла все. Жизнь ее кончена. У нее не осталось ни единой надежды. А Ники? Что будет с мальчиком? Что его ждет, если она окажется за решеткой? Приют? О господи, жить с сознанием этого невыносимо! А стоит ли жить? Анна улыбнулась, решив, что нашла выход. Она жалела, что не умерла во время приступа, но в ее силах поправить дело. Если ее не станет, то не будет и позорного суда, а значит, Ники не будет жить с клеймом, что его приемная мать – воровка.

Все так же улыбаясь, Анна закрыла глаза и начала считать удары сердца. Они становились все реже, повинувшись ее внутреннему приказу. Как только сердце остановится, она умрет. Какое счастье! Сознание как будто растворялось. Вот сердце трепыхнулось в последний раз и замерло, но Анна этого уже не почувствовала. И в тот момент увидела, как над ней склоняется кто-то до боли знакомый и любимый.

– Бабушка! – беззвучно воскликнула она. – Как я рада тебя видеть!

Аня протянула руки и упала в теплые объятия. Мягкая, пахнущая родным, почти забытым, запахом рука погладила ее по голове. Бабушка выглядела моложе, чем Анна ее помнила, а вот нарядное платье с голубыми незабудками и белым широким воротником было то самое. При жизни бабушки оно было ее любимым платьем. Бабушкино лицо излучало мягкий свет, который согревал Анну.

– Бедная моя. Как же ты настрадалась! – ласково произнес знакомый голос.

– Бабуля, заведи меня с собой, пожалуйста, – сквозь слезы попросила Анна, цепляясь за платье и стараясь прижаться к родному человеку как можно крепче.

Но бабушка неожиданно отстранила ее от себя и печально сказала:

– Нет, девочка моя, ты должна вернуться.

– Но я не хочу. Я хочу остаться с тобой! Пожалуйста! Не прогоняй меня, я так тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю, родная, и мы обязательно встретимся, но сейчас еще слишком рано. Возвращайся.

Голова больной дернулась на подушке. Она судорожно вздохнула и распахнула глаза. Вокруг было темно, призрачный свет исчез. Сердце билось ровно. Анне показалось, что ей стало легче, только почему-то нестерпимо болел указательный палец. Она поднесла руку к глазам и уставилась на перстень с изумрудом. Зеленый камень слабо светился, а кожа под золотым ободком полыхала огнем. Когда Анну арестовали, то собирались изъять перстень, но не смогли стащить его с пальца, как ни старались. Не помогло ни масло, ни мыло. Сейчас перстень легко соскользнул в ладонь. Кожа на пальце под ним вздулась волдырем, словно от сильного ожога. В одном месте даже лопнула, и по руке потекла прозрачная жидкость, смешанная с кровью. Анна улыбнулась, преодолевая боль: хитрое Соломоново колечко придумало способ вернуть ее в реальность. Что ж, так тому и быть. Видно, не пробил еще ее час.

Анна снова взглянула на свой указательный палец, который теперь отчаянно чесался. То, что ожог проходил прямо на глазах, ее ничуть не удивило. И когда на месте недавней раны осталась только светло-розовая полоска, Анна снова надела на палец кольцо.

Две недели, пока шел восстановительный период, Анне не особенно докучали допросами. Врачи, хоть и тюремные, стояли насмерть, не допуская к ней следователя больше чем на пять минут в сутки. Молодой организм справился с ударом, больная быстро шла на поправку. У нее оказалась масса времени, чтобы обдумать создавшееся положение. Слова доброй медсестры постоянно вертелись у нее в голове. Постепенно Аня признала, что женщина сказала истинную правду, и, вновь оказавшись в кабинете следователя, была готова к тому, чтобы вести свою собственную игру.

На очередной вопрос о месте, где спрятаны ценности, она неожиданно ответила:

– Я готова сдать похищенное.

Следователь даже оторопел. Что-то в ее тоне насторожило его. Он нутром чувствовал, что арестованная блефует, но проверить заявление был обязан. И все же он напрямую спросил:

– Сбежать хочешь?

Анна рассмеялась:

– Если честно, то да!

Банников только крякнул.

* * *

К указанному Анной месту ее везли в отдельном купе скорого поезда. Двое охранников, не считая следователя, не сводили с нее глаз, даже в туалет она ходила под конвоем. Как ни пыталась она улучшить момент, ей не представилось ни единого случая осуществить задуманное. Банников, помня о ее высказывании, самодовольно посмеивался. Анна улыбалась в ответ, и от этой улыбки следователю становилось не по себе.

На перрон пригородной станции Нижнего Новгорода они сошли дружной компанией. Милиционеры в штатском не привлекли бы внимания, если бы не находящаяся в их обществе молодая девушка, запястья которой были соединены наручниками. Взгляды любопытных дачников провожали странную группу до самой машины, выделенной местным отделением милиции.

Прибыли на указанное место. Оперативники вооружились припасенными лопатами и принялись за работу. Вскоре их рубашки взмокли от пота. Яма росла на глазах, но ничего не обнаруживалось.

– В чем дело, Сомова? – свирепо спросил Банников.

– Копайте глубже, – усмехнулась Анна.

Опера вернулись к работе. Чем дальше они копали, тем чаще Анна смотрела на солнце. Когда оно начало клониться к закату, парни в огромной яме выдохлись.

– Может, место не то? – робко предположил один из них.

– Ну? То место или нет? Вспоминай живо! – надвинулся на арестованную Банников.

– Вспомнила, – с готовностью кивнула Аня. – Место – самое то. А вот город, и правда, другой!

Один из охранников не выдержал и расхохотался, выронив из рук лопату. Физиономия Банникова приобрела оттенок переваренной свеклы, зато глаза побелели, как у отварного судака.

– Молчать, Лазарев! – прохрипел он, затем грязно выругался, коротко размахнулся и наотмашь ударил по лицу рядом стоящую Аню. Она коротко взвизгнула и упала на землю, прижав пальцы к разбитой губе.

– Шутки шутить надумала, стерва? – преувеличенно ласково спросил Банников, вытирая вспотевший лоб. – Не советую. Я из тебя душу выколочу, да еще благодарность за это получу.

– Ага, медаль на грудь, – криво усмехнулась Анна, с трудом поднимаясь.

– Ах ты... – он снова замахнулся.

Анна сжалась в ожидании удара, инстинктивно прикрыв голову рукой.

– Не надо, Олег Константинович, – неожиданно вступился за арестованную Лазарев.

Он выбрался из ямы и теперь стоял рядом со своим начальником. Анна исподлобья взглянула на своего неожиданного заступника, но парень даже не посмотрел в ее сторону.

– Ладно, – сказала она неожиданно, – я отведу вас на место.

– С чего это ты вдруг образумилась? – со злой иронией поинтересовался Банников.

– Да надоело мне все хуже горькой редьки. Понятно?

– Еще раз пошутишь – пришибу, – пообещал старший следователь.

И Анна ему поверила.

Глава 4

Расчет Анны был прост. Она тянула время до наступления темноты, рассчитывая привести сыщиков на место уже после захода солнца, не оставив им другого выбора.

Сумку с вещами Налимова она спрятала в лесу, в пригороде своего родного города. Сами по себе ценности не были ей нужны с самого начала, она охотно возвратила бы их даже в день ареста, если бы от этого была хоть какая-то польза. Сейчас она лелеяла отчаянную надежду, что, оказавшись в лесу, уставшие после ее фокусов сыщики расслабятся хоть немного и у нее появится шанс удрать от них.

Место, куда они прибыли в наступающих сумерках, подходило для ее целей как нельзя лучше. Анна знала его как свои пять пальцев. Возле леса проходила оживленная трасса на Москву, и, если бы ей удалось оторваться от преследователей, она смогла бы воспользоваться первой попавшейся попуткой. Она понимала, что спастись сможет только в том случае, если окажется на свободе. Только так она сумеет вычислить настоящего вора и доказать невиновность свою и Макса.

Она рассчитала все правильно, но не учла одного. Впрочем, предвидеть такого поворота дела не могла даже она: в ее тайнике, до которого они добрались уже поздним вечером, было пусто.

Сумка, а вместе с ней и ценности исчезли...

Голос Банникова, когда он наконец обрел дар речи, вырывался сквозь плотно стиснутые зубы со странным свистом и был похож на шипение обозленной до крайности кобры, которой подсунули на ужин вместо живых мышей банку вишневого варенья. Отвращение и ярость буквально душили его, мешая говорить. Теперь Ане было не до шуток. Будь у нее под рукой кухонный нож, она предпочла бы перерезать себе горло, чтобы умереть с комфортом и без мучений.

– Ты!.. Да я тебя!.. Да чтоб тебе!..

Банникову никак не удавалось закончить фразу, что, возможно, спасло Ане жизнь и уж, по крайней мере, здоровье. Все силы старшего следователя ушли на попытку выразить то, что кипело у него на душе. Анна понимала, что в ее объяснения он не поверит. Она сама никак не могла понять, как такое вообще могло случиться. Она была уверена, что в ту ночь за ней никто не следил, с местом она тоже не могла ошибиться. Тогда что же произошло? Куда подевалась сумка? Она так погрузилась в решение этой загадки, что пропустила момент, когда Банников принял решение. Анна очнулась от грубого толчка. Ей приказали идти вперед по тропинке, и она побрела, то и дело спотыкаясь, поскольку в лесу совсем стемнело. Ударяясь о корни и коряги, она шагала вперед, тупо уставясь в широкую спину впереди идущего оперативника. В темноте она не могла разобрать, кто перед ней – Лазарев или второй, имени которого она не знала. Аня думала сейчас только о том, что план ее побега провалился и ловушка захлопнулась. Кобра получит-таки на ужин маленькую живую мышку.

От станции, на которой они оказались, до города было езды не более часа, но пригородные электрички уже не ходили. На обшарпанной двери кассы красовался ржавый замок, но на доске объявлений висело расписание поездов. После прочтения выцветшего на солнце «документа» выяснилось, что как раз через пять минут здесь сделает остановку скорый поезд, следующий до города. На нем милиционеры и решили вернуться в город. Мнения Ани, разумеется, никто не спрашивал.

Проводница, слегка напуганная появлением стражей порядка, да еще в сопровождении «преступницы», безропотно предоставила им свободное купе в середине вагона. Анна, ни на кого не глядя, забила в самый угол сиденья, подальше от красноречивых взглядов сопровождающих. О том, что ждет ее по возвращении, даже думать не хотелось. Все трое молчали,

отчего Анне делалось еще страшнее. Особенно после того, как Лазарев вышел из купе. Он был единственным, кто, как ей казалось, не испытывал к ней ненависти. Но после обнаружения таинственно опустевшей захоронки и у него вряд ли осталась к ней хоть капля сочувствия. Тишина стала настолько гнетущей, что не было больше сил ее выносить.

– Я в туалет хочу, – сказала Анна первое, что пришло в голову.

– Потерпишь, – отрезал Банников хмуро.

– Нет. Мне очень надо, – настаивала она.

Второй охранник вопросительно взглянул на старшего. Тот пожал плечами и кивнул. Анна поднялась и, пошатнувшись, вышла в коридор. Следом как привязанный плелся охранник. Навстречу им шел Лазарев. Его руки были мокрыми, с них капала вода. Лазарев посторонился, прижавшись к окну, чтобы они смогли разойтись в узком коридоре.

Анна взялась за еще влажную ручку двери в туалет, и тут до нее дошло, что парень-конвоир намеревается последовать за ней.

– Что ты надумал? – резко обернулась она. – Собираешься следить за мной на толчке?

– А что такого? – сказал он со смешком. – Сама виновата. Нечего было морочить нам голову.

– Прекрати. Это уже превышение. Из туалета мне бежать некуда. Так что отвали. Понял?

– Да пошла ты!

Нервы Анны были напряжены до предела, как туго натянутые струны. Такие струны могут лопнуть в самый неподходящий момент. И этот момент наступил. Она коротко вздохнула и изо всех сил лягнула парня в пах. Пока он, хватая ртом воздух, сжимал свое богатство обеими руками, она рванула дверь на себя, вскочила в кабинку и тут же заперлась. Из-за двери до нее долетали стоны попеременно с ругательствами.

– И что теперь? – спросила она свое отражение в зеркале, да так и застыла с открытым ртом, не веря своим глазам: на забрызганной полочке над грязной раковиной лежал... пистолет. Черная маслянистая поверхность металла тускло поблескивала, отражая свет неоновой лампы под потолком.

Анна растерянно заморгала. Этого просто не может быть! Неужели судьба сжалилась над ней? Она уже не слышала ругательств охранника, не обращала внимания на содрогающуюся от ударов дверь. Ее рука сама по себе потянулась к оружию, холодный металл обжег пальцы. Пистолет оказался гораздо тяжелее, чем она представляла, но от него как будто исходила уверенность. Аня осторожно повертела его в руках, опасаясь нажать куда-нибудь не туда.

К обозленному голосу первого охранника прибавился еще один. Анна вздрогнула, инстинктивно сжала свою находку крепче и затаила дыхание, прислушиваясь. Через некоторое время она улыбнулась. Судьба продолжала помогать ей: она слышала, как Лазарев, выражая сочувствие коллеге, предложил сменить его на посту. Голос парня звучал напряженно и откровенно фальшиво, но его собеседник, озабоченный полученной травмой, охотно согласился убраться, пообещав на прощание арестантке, что собственноручно спустит с нее шкуру.

А та усмехнулась. Теперь она не слишком боялась угроз. Лазарев, очевидно, обнаруживший пропажу табельного оружия, надеялся, как видно, уладить дело миром, но у Анны были на этот счет совсем другие планы. Она намеревалась использовать выпавший ей шанс на все сто.

За дверью стало тихо. Сколько Аня ни напрягала слух, до нее не доносилось ни звука. Куда запропастился Лазарев? Не то чтобы Анна особенно встревожилась, но неизвестность ей не нравилась. Она ожидала, что Лазарев приступит к переговорам немедленно после того, как избавится от напарника. Но он молчал. Ей уже стало казаться, что парень просто ушел, хотя она понимала всю абсурдность подобного предположения. От напряжения у Ани свело пальцы, которыми она сжимала свое оружие, рифленая рукоятка больно впиалась в ладонь, влажную от пота.

И вдруг замок на двери ее убежища щелкнул. Анна с опозданием поняла, что Лазарев предусмотрительно запасся, а теперь воспользовался ключом проводника. Поезд тряхнуло на повороте, дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Анна вздрогнула всем телом и попятилась, выставив вперед пистолет.

Лазарев замер на пороге, потом поднял обе руки вверх, сказав миролюбиво:

– Ну все, малышка, поиграла в Мату Хари, и достаточно.

– Лучше стой там, где стоишь, – предупредила Анна, слегка качнув дулом пистолета.

– Хочешь сказать, что выстрелишь? – изобразил тот ироническую усмешку. Капельки пота над верхней губой выдавали его волнение.

– Я не думаю, я выстрелю!

– Ну-ну, – ухмыльнулся парень и спокойно пошел на нее, как будто в ее руках была обыкновенная детская брызгалка, а не огнестрельное оружие.

Как ни странно, его расчет оказался верен – Анна не смогла нажать на курок. Ей удалось увернуться от его попытки схватить ее, но на этом ее везение кончилось. Она, правда, успела проскользнуть мимо широко расставленных рук парня и выскочить в тамбур, но там он крепко ухватил руками ее за талию сзади и навалился всем телом, притиснув к наружной двери тамбура. Анна слышала его тяжелое дыхание возле своего уха, чувствовала, как он пытается дотянуться до зажатого в ее руке пистолета. Она готова была сдаться, но тут произошло то, чего не могли предвидеть ни она, ни ее преследователь: поезд качнуло, и дверь тамбура, оказавшаяся незапертой, открылась, так как Аня цеплялась за ручку. Затем вагон еще раз дернулся, и они оба едва не выпали наружу, в последний момент уцепившись за поручни.

Вонючий дым тепловозной гари разъедал Анне ноздри, набивался в легкие. Она закашлялась, глаза наполнились едкой влагой. Держась изо всех сил за поручень, ставший скользким от ее собственного пота, одной рукой, в другой Аня по-прежнему сжимала пистолет. В ушах свистел ветер, его порывы ударяли по телу. Лазарев выпустил Аню из рук, как только дверь распахнулась. Сейчас он тоже висел на подножке, пытаясь дотянуться и снова схватить ее. Сквозь слезы Анна видела его расширенные глаза, в которых плескался испуг. Она понимала, что долго не продержится, ее рука постепенно слабела, тело заледенело на ветру, волосы облепили лицо. Еще немного, и она рухнет вниз, прямо под колеса поезда, в черную страшную пропасть.

Поезд немного замедлил ход, поворачивая направо. Стало немного легче, но Анна уже совершенно выбилась из сил, сползала все ниже и ниже. Лазарев дотянулся-таки до нее, балансируя на самом краю. Он ухватил ее за предплечье и, напрягая силы, попытался втащить внутрь.

– Брось пистолет, хватайся за меня! – проорал парень, стараясь перекричать рев ветра и грохот поезда.

У Анны не было выбора, но она медлила, понимая, что если послушается, то окажется полностью в его власти, а это могло оказаться похуже мгновенной смерти под колесами.

– Быстрее! – крикнул Лазарев.

Ветер отнес его слова в сторону, размазывая по вагону, но Аня услышала. Она решилась и потянулась к руке опера. Он ухватил ее, едва не вывихнув в плече, мышцы его вздулись от напряжения. И в этот момент нога парня соскользнула с подножки. Он вывалился из поезда, увлекая за собой Анну. Она закричала, но ее вопль потонул в адском грохоте.

Тренированное тело опера смягчило падение. Если бы Анна упала одна, она наверняка свернула бы себе шею, кувыряясь по насыпи. Она и сейчас не была уверена, что все ее кости целы. Поезд с оглушительным ревом пронесся мимо, стук колес стих вдали. Анна перекатилась на спину, не имея ни сил, ни желания открывать глаза. Она совершенно не чувствовала конечностей – они онемели. Ей было холодно, ноги до колен были исцарапаны в кровь, но она не чувствовала боли. Она вообще ничего не чувствовала.

Лазарев, наклонившись над ней, пытался восстановить кровообращение, энергично растирая ноги Анны. Она постепенно отходила от шока, вызванного падением, и первой ее мыслью была та, что она все еще во власти опера. От злости Аня стиснула кулаки и с удивлением посмотрела на свою правую руку. Оказывается, она так и не выпустила пистолет. Осознание этого вернуло ее к реальности, она вывернулась из рук Лазарева и вскочила на четвереньки. Резкое движение отдалось дикой болью во всем теле, но Анна стиснула зубы, не позволяя себе расслабиться.

– Эй, эй, ты чего? – пробормотал парень. – Я же тебе жизнь спас, дура.

– Не-е-ет, я умная. Спасибо за помощь, но тебе пора уходить, милый. Прости, что не провожаю, – усмехнулась она, угрожая ему пистолетом.

– Я, кажется, уже говорил тебе, что ты не выстрелишь? – напомнил Лазарев. На его лице появилось странное выражение, которое озадачило Анну. Она поняла, что он ее не боится, но только упрямо тряхнула головой и выпалила:

– Ты ошибся. Я выстрелю!

– Попробуй, – согласился тот, медленно и даже как-то лениво поднимаясь на ноги.

– Не вынуждай меня! – взвизгнула Анна.

– Даже не думал. Ну же, стреляй!

Он подходил все ближе, Анна попятилась, по-прежнему стоя на четвереньках. В какой-то момент нервы у нее не выдержали, она нажала на спусковой крючок, потеряв разум от напряжения.

Но выстрела не последовало. Раздался только сухой щелчок. Анна слабо охнула, а Лазарев рассмеялся.

– Что я говорил? – продолжал глумиться он. – Эта пушка не заряжена, дорогая! Зато вот эта – очень даже.

Ничего не понимая, Анна таращилась на пистолет в его руке, появившийся неизвестно откуда и направленный ей прямо в грудь.

– Ты кто? – спросила она охрипшим голосом.

– Какая тебе разница, детка? – ласково спросил Лазарев.

– Все было подстроено? – опешила Аня, пораженная внезапной догадкой. – Не может быть! Зачем?

– Все узнаешь в свое время. Обещаю, если не будешь делать глупостей, то с тобой ничего плохого не случится. Да брось ты этот пугач, от него никакого толку.

Анна чуть не расхохоталась. Попала из огня да в полымя! Тем временем Лазарев, не спуская с нее глаз и, естественно, пистолета, достал свободной рукой трубку сотового телефона и, неловко орудуя большим пальцем левой руки, набрал номер.

– Она у меня. Да, все в порядке. Мы на двести сорок пятом километре. Ждем, – быстро и деловито сказал он в трубку.

Анна не переставала удивляться произошедшей в парне перемене. Куда подевался добродушный, немного неловкий балагур? Теперь перед ней стоял собранный, хорошо подготовленный воин с холодными жесткими глазами.

– Поднимайся, – скомандовал Лазарев, нажав на отбой и засовывая трубку в карман. – Нам еще до трассы добираться.

– У тебя будут неприятности, – мстительно сообщила Анна. – Ты же мент.

– Уже нет, – последовал равнодушный ответ.

Анна поняла, что сморозила несусветную глупость. Все, что происходило с ней в последнее время, напоминало дурной сон и в то же время являлось тщательно спланированной акцией. Кто задумал такую дьявольскую комбинацию? Кто сумел просчитать все на много шагов вперед? В чьи лапы она угодила? Наверное, вскоре ей предстоит узнать ответы на все вопросы. Но пока она не чувствовала себя готовой к этому.

– Что тебе от меня надо? – спросила Анна.

– Мне – ровным счетом ничего. Ты красивая девчонка, по собственной глупости попавшая в большое дерьмо. А я всего лишь выполняю задание. Вставай, надо торопиться.

Торопиться Анна не испытывала никакого желания, на ноги она поднялась только для того, чтобы тут же метнуться в сторону. Надеяться убежать было глупо, но она все же попробовала. Девушка понимала, что, затратив столько усилий на организацию ее побега и спасение, парень не станет стрелять. Она нужна ему живая, поэтому у нее, как она думала, есть шанс, если она успеет первой добежать до дороги. Если бы ей это удалось, она, не раздумывая, бросилась бы под колеса первой попавшейся машины.

Но ей это не удалось.

Лазарев догнал Анну задолго до того, как она успела добежать до шоссе. Да что там, он догнал ее почти сразу, сбил с ног, а потом, не сдержавшись, сильно ударил ее по лицу.

– Говорил же, без глупостей, – процедил он.

Но Анна его уже не слышала. Поняв, что девушка потеряла сознание, Лазарев чертыхнулся, потом подхватил ее под мышки, приподнял и потащил в сторону дороги.

Глава 5

Очевидно, Ане что-то вкололи, так как, очнувшись после забытья, она обнаружила, что находится в незнакомом доме, в котором очутилась непонятным для себя образом. С большой неохотой приоткрыв глаза, она осмотрелась. Окружающая обстановка производила впечатление: горы бронзы и антиквариата обступали ее со всех сторон, как будто она попала в музей.

Аня не сразу заметила сидящего в кресле напротив человека, а когда поймала на себе его изучающий насмешливый взгляд, то едва не застонала. Ей захотелось снова зажмуриться и не просыпаться до тех пор, пока мерзкая рожа не исчезнет. Понимая всю тщетность своих надежд, она глубоко вздохнула и устало посмотрела прямо в ненавистное лицо. Худшего и придумать было нельзя, так как перед ней сидел не кто иной, как господин Налимов собственной персоной.

Его щуплая фигура почти утонула в глубоком мягком кресле, на лице виднелись только глаза – злые, пронзительные и жестокие. Большая голова и непропорционально маленькое тело делали мужчину похожим на персонаж фантастического сериала типа «Первой волны». Она не доверила бы подобному типу даже сторожить свою машину из опасения, что, как только она отвернется, он ее попросту сожрет. Тщательно скрываема ненависть упорно пробивалась наружу сквозь тонкую корку самообладания этого уroda. Анна понимала, что ему есть за что ее ненавидеть, но раскаяния почему-то не испытывала, только страх и усталость. Она до сих пор не понимала, что ему понадобилось от нее, разве что решил прикончить грабительницу собственноручно. Эта мысль не показалась ей такой уж нелепой.

Лицо Налимова было действительно неприятным, даже отталкивающим. Оно имело странную форму, сплюсненную с боков, как будто он сдавливал его с двух сторон до тех пор, пока не повылезли все волосы на макушке. Глаза, наоборот, глубоко западали, на тонких губах блуждала торжествующая усмешка. Видно было, что Селен Серафимович весьма доволен собой. Видя это самодовольство, Анна искренне пожелала ему провалиться сквозь землю сию же минуту. Увы, никуда он не делся. Продолжал сидеть и сверлить ее недоброжелательным взглядом, смешанным с брезгливым любопытством.

– А ты совсем не изменилась, – заявил Налимов, когда ему наскучило играть в молчанку.

Анна пожала плечами и слегка прищурилась. Несмотря на удобное кресло, в котором она сидела, чувствовала она себя отвратительно, руки и ноги противно дрожали, сердце бухало где-то в ушах.

– Удивляешься, зачем я организовал все это? – спросил Налимов, демонстрируя свою догадливость.

– Да нет. Ваш характер я знаю. Меня, по правде говоря, только одно заботит: вы меня сразу порешите или сначала помучаете?

– Фу, какая грубость, – протянул мерзавец, вытянув губы трубочкой. Казалось, еще чуть-чуть – и изо рта у него потекут слюни. – Разумеется, ни то ни другое. Смешать тебе коктейль? Кажется, ты любишь мартини, я не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь. Но пить я не хочу, – Анна солгала, но она не могла доверить этому типу готовить для себя что бы то ни было. Ей казалось, что как только он сожмет пальцы, то тут же выдавит из них мышьяк или еще какую-нибудь отраву.

– Ну что же, как скажешь, – кивнул Налимов. – А я с твоего позволения выпью.

– Можете выпить и без моего позволения.

– Что так?

– У вас есть повод. Если вы надеялись, что я верну вам то, что... взяла в квартире, то напрасно: моя сумка пропала. Что, кстати, весьма огорчило стражей порядка, моих конвоиров.

– Поверь, это сущая ерунда, – хихикнул Налимов, вставая из кресла.

Даже стоя во весь рост, он едва доставал макушкой до высокой резной спинки, но костлявая фигура мужчины не выглядела от этого менее угрожающей. Анна знала, что благодушное настроение Налимова – гораздо более опасный знак, чем его обычно постная физиономия. Улыбается – значит, замыслил какую-нибудь гадость. Несколько больше ее удивляло его спокойствие относительно пропавших ценностей: его жадность могла сравниться разве что с его подлостью. Потом она догадалась, что у него было время взять себя в руки, ведь его подручный был на месте опустевшего тайника и видел все собственными глазами. И все же она посмотрела на него с интересом:

– Неужто совсем не жаль?

– Нет, – покачал он с улыбкой головой, затем посмотрел на дверь, и она тут же распахнулась, пропуская в комнату незнакомого парня.

Анна уставилась на него, открыв от удивления рот, так как в руке он держал ее собственную сумку.

– Удивлена? – констатировал Налимов очевидное.

– Не то слово. Как она попала к вам?

В ответ раздалось нечто, весьма напоминающее скрежет ржавого железа. Анна не сразу сообразила, что так звучит смех ее мучителя.

– Сразу видно, что вор из тебя никудышный. Зачем ты полезла в мою квартиру?

– Это мое дело, – огрызнулась Аня. – Я спрашиваю, откуда у вас моя сумка?

– Все еще не догадываешься? Ну, смотри, – Налимов запустил руку в сумку и, точно фокусник, извлек из нее яйцо с забавной курочкой наверху. – Узнаешь?

Анна, облизнув губы, молча кивнула.

– Должно быть, ты не знала, что такие яйца в большинстве случаев открываются наподобие шкатулки? Вот так, – он ловко щелкнул замочком, и яичко распалось на две половинки. На ладони Селена Серафимовича оказался маленький блестящий предмет. Еще до того, как он начал объяснять, Анна догадалась обо всем.

– Это радиопередатчик. Будь ты профессионалом в воровском деле, тебя непременно насторожил бы тот факт, что такая откровенно ценная вещь стоит на самом видном месте. Профессионал из осторожности преодолел бы природную жадность и не стал бы брать яйцо. Или, на худой конец, проверил бы его содержимое. Ты этого не сделала. Поэтому обнаружить твой тайник не составляло труда.

– Ничего не понимаю, – медленно проговорила Анна. – Если вы вернули себе свое добро, то зачем заварили кашу с моим похищением? – Она пристально смотрела на Налимова, ожидая ответа, но тот не спешил с разъяснениями.

Прежде чем заговорить снова, Налимов медленными глотками осушил свой бокал, аккуратно поставил его на барную стойку и неторопливо вернулся к креслу. Все это время Анна напряженно следила за ним, гадая, что он еще задумал.

– Дело в том, моя дорогая, что ты нанесла мне гораздо больший урон, чем можешь себе представить. Ты устроила пожар!

– Бросьте! – презрительно скривилась Анна. – Ваша квартира и все, что в ней, – застрахованы. Так что, можно сказать, вы не пострадали. Особенно если учесть вот это все, – она обвела вокруг себя рукой и усмехнулась.

– Увы. Ты снова ошибаешься, – невозмутимо откликнулся Налимов. – В огне сгорело нечто, что не покрыть никакими страховками. Правда, благодаря твоему поступку выяснились некоторые нюансы...

– Что вы мне голову морочите? Какие нюансы?

– Весьма и весьма существенные. Дело в том, что ты спалила ценный ковер – вещь не просто редкую, а практически уникальную.

Анна рассмеялась.

– Так вот вы о чем? Ловко! Ковер, говорите? Забавно. Кажется, я помню его, он лежал в гостиной, правильно?

– У тебя хорошая память.

– Настолько хорошая, что вам не удастся меня обмануть. Этот ковер ничем не примечателен. Да, он ручной работы и весьма почтенного возраста, но уникальный... Тут вы загнули, Селен Серафимович. Хотя... если вы решили мстить, то доводы рассудка вас не остановят.

– По твоим словам, я – настоящий монстр, честное слово, – изобразил Налимов оскорбленную добродетель. Посмеяться над удачной шуткой Анне помешала ничем не прикрытая злоба, которой зажглись его глаза. – Ты даже представить себе не можешь, что это за ковер! – выкрикнул он.

– Так объясните! В чем проблема-то?

– Ковер я искал двадцать пять лет.

– Да ну? И что вас в нем так привлекало?

– Не надо иронизировать, дорогая. Он овеян множеством легенд, в нем – сила, о которой ты не имеешь представления.

– Вы верите в легенды? – все еще улыбаясь, спросила Анна. Она начала понимать, к чему он клонит. На ум пришла прочитанная когда-то давно легенда, в которой, если ей не изменяет память, действительно фигурировал шелковый ковер цвета крови. Если на полу в гостиной лежал именно тот ковер, то ей действительно крышка. Единственное, что не позволяло ей окончательно предаться унынию, это мысль о том, что, владея такой вещью, Налимов должен был воспользоваться ею хотя бы раз, но он этого не сделал, тут она была уверена.

– Не о раджпутском ли ковре вы говорите? – спросила она с деланным безразличием.

– Ты слышала о нем? – оживился тот.

– В общих чертах, – уклонилась Анна от прямого ответа.

– Я расскажу тебе о нем. Думаю, тебя это заинтересует.

«Спорный вопрос!» – подумала Анна.

– Итак, речь идет о восемнадцатом веке, времени, не так уж сильно отдаленном от нашего, – начал Налимов, поудобнее устраиваясь в кресле. – Клан раджпутов насчитывал на тот момент несколько сот тысяч человек. Но положение их было незавидным. Глава клана, Амар Сингх, вел в ту пору тяжелую борьбу с моголами. Чтобы одолеть их, ему пришлось заключить союзнический договор с махараджами Джайпура и Джодхпура, в котором особо оговаривалось, что отныне все три клана вступают в браки только между собой. Чуть позже, в начале девятнадцатого века, положение стало еще хуже. Теперь с севера наступали афганцы, с юга осаждали маратхи, с востока – англичане...

– Вам бы историком быть... – не удержалась Анна от язвительного замечания, все еще не понимая, куда клонит хозяин дома.

– Спасти положение мог только выгодный брачный союз, – не обращая на ее реплику внимания, продолжал Налимов. – У нынешнего правителя, Аджиты, была дочь, красавица Кришна Кумари. Она была еще совсем юной, одиннадцатилетней девочкой, а на ее руку уже претендовали сразу двое. И каждый считал, что выбор должен пасть на него, и каждый мотивировал свою правоту заключенным когда-то договором. Пять лет Аджите удавалось тянуть время, но когда красавице Кришне Кумари исполнилось шестнадцать, настало время делать выбор. Беда заключалась в том, что тот, кому девушка не досталась бы в жены, немедленно расторг бы договор, а этого нельзя было допустить. Дилемма оказалась неразрешимой. И тогда Аджита пришел к безумной, с точки зрения нормального человека, мысли, что дочь следует убить, уничтожив сам предмет спора. Дикое решение, но иного и ожидать не следовало, ведь Аджита был слабовольным, трусливым правителем. Ни один из мужчин клана не согласился исполнить приказ, но Аджиту это не остановило. Он приказал женщинам отравить принцессу. Надо сказать, что Кришна Кумари была не только красивой и образованной девушкой, она обладала тем

редким даром, что сейчас принято называть ясновидением. И девушка знала, что ее ждет. Все пять лет она ткала ковер, ожидая своей участи. Он оказался невиданной красоты: алый шелк и золотая нить сплелись в его узорах самым затейливым образом. Когда девушке стало известно о решении отца, она добровольно выпила кубок с ядом, сидя на своем прекрасном ковре, но перед смертью произнесла заклятие. И после ее смерти в клане не было ни единого наследника на протяжении долгого времени, все дети были усыновленными. Но это только половина заклатья. Душа невинной девушки поселилась в чудесном ковре, каждый последующий обладатель которого мог исполнить любое свое желание, разгадав тайну волшебного узора...

Налимов замолчал, как будто переводя дух. Глаза его лихорадочно блестели, пальцы были крепко стиснуты. Постепенно он расслабился и сказал уже обычным, насмешливым голосом:

– Я думал, что мне удалось завладеть этим замечательным ковром, хотя пока и не удалось разгадать его тайну.

– То есть теперь вы так не думаете? Почему? – спросила Анна.

– Верно, не думаю. А причина – ты.

– При чем тут я? – искренне удивилась девушка.

– Устроенный тобой пожар решил дело. Ковер, который я считал заколдованным, сгорел дотла.

– Что ж тут такого особенного? – усмехнулась Анна. – Волшебный он или нет, но ковер соткан из обыкновенного шелка, который прекрасно горит.

– Не все столь просто, дорогая моя. Ковер Кришны Кумари практически нельзя было уничтожить. Об этом тоже говорится в легенде. Его может стереть с лица земли только освященная соль. Но ты ведь не посыпала ковер никакой солью, прежде чем поджечь его?

– Мне бы такое и в голову не пришло.

– Вот видишь. Значит, меня обманули, и в моей гостиной лежала всего лишь подделка.

– А что, если того ковра вообще не существует? – высказала предположение Анна. – Вы не думали об этом? А существует, передается в веках просто красивая сказка с трагическим концом.

– Я бы согласился с тобой, если бы не знал, что у того, кто продал мне ковер, имеется подлинник.

– Еще один волшебный ковер? – с недоверчивой усмешкой спросила Аня.

– Нет – настоящий.

– Поздравляю. Теперь вам остается только купить подлинник. Насколько я знаю, вы всегда умели добиваться своей цели. Так что вперед!

– Увы. Это неосуществимо.

– Для вас? Никогда не поверю.

– Придется.

– Что ж, мне очень жаль. Но от меня-то вы чего хотите?

– Ты принесешь мне этот ковер, – спокойно, как о чем-то давно решенном, сообщил

Налимов.

– Я? С какой стати?!

– С такой, что у тебя нет другого выхода. Ты ведь не хочешь обратно в тюрьму, правда? Не хочешь, чтобы твой мальчишка на долгие годы оказался в детском доме? Я могу помочь тебе, если ты окажешь мне эту маленькую услугу.

– Ни хрена себе – маленькая! Да кто же будет со мной разговаривать на подобную тему? И вообще, почему я? – разозлилась Анна.

– Не прикидывайся, – резко прикрикнул Налимов, ударив своим почти кукольным кулачком по дубовому подлокотнику кресла с такой силой, что тот треснул. – До меня давно дохо-

дили слухи о твоих сверхъестественных способностях, но лучшим доказательством стало то, что ты спокойно проникла в хорошо защищенную квартиру.

– Вот уж не думала, что вы увлекатесь черной магией, – язвительно заметила девушка.

– Поверь, учитывая мое предыдущее место работы, я знаю о таких и разных других вещах гораздо больше, чем ты можешь представить.

– Неужели КГБ занимается и подобными вопросами?

– КГБ занимается всем, что могло представлять угрозу государству, – отрезал Налимов. –

Вернемся к нашему вопросу. Ты достаточно опытна, чтобы определить подлинность ковра, который должна достать.

– Почему достать? Купите его, и все дела. Потом будет видно.

– Не получится. Ковер не продается. Поэтому ты выкрадешь его.

– Я?! Вы с ума сошли?

– Нисколько. Ты – обыкновенная воровка!

– Я не воровка! – воскликнула девушка.

– Знаю. Но остальные так не думают. Мне отлично известно, что к остальным кражам ты не имеешь никакого отношения, впрочем, как и твой любовник, ради которого ты решилась на такую глупость. Но грех не воспользоваться ситуацией, правда?

– Вы – мерзавец!

– Говори все что угодно. Хотя я всего лишь предлагаю тебе сделку. Ты достаешь для меня то, что мне нужно, а я освобождаю тебя и твоего хахалю от всех обвинений. Ты, конечно, можешь отказаться, но тогда напрямик отсюда отправишься на нары.

– Чтобы отвечать за преступления, которых я не совершала?

– А кто об этом знает?

– Вы!

– Когда надо, я умею молчать, дорогая. Ну так как, согласна?

Анна в отчаянии кусала губы. Этот тип толкал ее на преступление, больше того, она была уверена, что он подвергает ее не только риску, но и смертельной опасности. Если он решился прибегнуть к ее услугам, то все остальные способы он уже испробовал. При его неограниченных возможностях то, что он не добился успеха, говорит только об одном: поставленная им задача – невыполнима! Но даже если допустить, что Ане удастся выполнить требование Налимова и достать проклятый ковер, то нет никакой гарантии, что ее после этого не уничтожат как ненужного свидетеля. И такое предположение отнюдь не было преувеличением, Налимова она знала достаточно хорошо. Но что делать? Она полностью в его власти, у нее нет ни малейшего шанса вывернуться из расставленной ловушки. За себя она не боялась, ей было практически наплевать на собственную жизнь. Но Ники! Он-то ни в чем не виноват!

– Так когда ты приступишь? – бесцеремонно прервав размышления девушки, спросил Налимов, ничуть не сомневаясь в том, что она даст свое согласие.

Анна прикусила губу до крови, чтобы не выдать раздирающую ее изнутри ненависть. Налимов ждал.

– Вы знаете, у кого может быть этот ковер? – спросила она сдавленным голосом.

– Конечно. Он у Рудольфа Константиновича Гиршмана.

– У Пивной бочки?

– Руди предпочитает, чтобы его называли Пивным королем.

– Да плевать мне, что он предпочитает. Вы что, окончательно помешались? Как я попаду к нему? Меня и на пушечный выстрел к нему не подпустят!

– Ну, это уже твоя проблема, Анечка. В конце концов ты же женщина, используй свое обаяние, чары или что там у тебя. Короче, выкручивайся, как хочешь, но помни: если ты не принесешь мне ковер, то в следующий раз увидишь свободу глубокой старухой. Можешь идти. Ты мне больше не нужна.

– А что, если меня снова арестуют, как только я выйду за порог? Ведь я сбежала от милиции. Не без вашего, кстати, участия.

– Об этом забудь. На время. Если даже ты нос к носу столкнешься с... как его там... Банниковым, кажется, то он перейдет на другую сторону улицы, можешь мне поверить.

– Сильно, однако, – усмехнулась Анна с мрачным видом. – А если я просто сбегу? – В ее глазах блеснул вызов.

– А вот этого не советую. Мои люди с тебя глаз не спустят. Но даже не старайся определить, кто они. Одним из них может оказаться твой самый близкий человек, даже твоя мать или подруга.

– Знакомые методы.

– Вот и ладненько. Иди. Я долго ждать не собираюсь.

Анна поднялась со своего места и, не прощаясь, пошла к выходу. Налимов обложил ее по полной программе. Теперь он заставит ее пройтись по горящим углям, и ей придется подчиниться.

Глава 6

Возле своего подъезда Анна заметила знакомую фигуру. Если бы она не была так озабочена своим разговором с Налимовым и жуткой головной болью, то она непременно удивилась бы появлению Кирилла – ведь он знал, что она находится под арестом.

– Ты что здесь потерял? – тем не менее спросила она, останавливаясь рядом с ним.

– Анна?! – вытаращил глаза парень. – Ты откуда? Тебя отпустили?

– Можно и так сказать, – хмыкнула она.

– Почему ты в таком виде? – спросил он, заметив ее ободранные ноги и руки. – Тебя что, били?

– Слава богу, до этого не дошло. Ладно, пойдем в дом, нечего соседям глаза мозолить. Они небось уже в курсе.

Не глядя больше на Кирилла, она вошла в подъезд, но перед дверью остановилась и сквозь зубы выругалась.

– Ты чего? – тут же спросил Кирилл озабоченно.

– Забыла, что ключи остались у ментов. Как же я теперь попаду домой?

– погоди-ка, они что, не вернули тебе твои вещи? Как это? Давай съездим и заберем. Я на машине...

– Не стоит, – перебила его Анна.

– Но что же ты будешь делать?

– Попрошу тебя мне помочь. Кажется, у тебя это ловко получается.

– Прости, но я ведь не взломщик. У Нали... у того типа замки были простые, как газировка без сиропа. А у тебя – «Гардиан», железная.

– И что же теперь, на улице ночевать? – озабоченно почесала затылок Анна.

– Почему ты не хочешь забрать ключи?

– По кочану, – огрызнулась она.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Можем поехать ко мне, а там решим, как поступить. Заодно расскажешь мне и про кочан, и про капусту заодно.

– Я подумаю, – уклончиво ответила Аня. – Но предложение твое принимаю.

* * *

– Располагайся, – предложил Кирилл, пропуская гостью в прихожую.

Анна скинула туфли и босиком прошлепала в просторную комнату, обставленную явно дорогой и стильной мебелью.

– Красиво живешь, – одобрила Анна.

– Ничего особенного, – неожиданно смутился Кирилл. – Я же работаю. А в квартире все делал сам.

– И вот этот симпатичный гарнитурчик? Если не ошибаюсь, тут написано «Мэйд ин Итали»? Это твой псевдоним? – пошутила Анна.

– Нет, это, конечно, из магазина, как и остальная мебель. Честно говоря, я всю свою зарплату трачу на дом. У меня хобби такое. Наверное, потому, что у меня никогда не было ничего своего, несмотря на наличие живых отца и матери.

– Извини, если я сказала глупость, – примирительно проговорила Анна, понимая, что невольно задела в душе юноши какую-то особенно болезненную струну.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Ты пока поброди, а я приготовлю тебе ванну. Сказать откровенно, выглядишь ты, как драная кошка.

– Спасибо за комплимент, – крикнула Анна вдогонку парню и прибавила с улыбкой: – Один – один.

Она услышала, как в ванной комнате зашумела вода, и только сейчас поняла, как же она сильно мечтает оказаться под душем, смыть с себя всю грязь, которая налипла на нее за последние несколько дней. В ожидании она бродила по комнате, рассеянно скользя взглядом по окружающим ее предметам. Чуть дольше ее взгляд задержался на заваленном бумагами письменном столе. Она подошла поближе, протянув руку к переплетенной в натуральную кожу толстой тетради.

– Анна? – окликнул ее Кирилл, выходя из ванной. Она отдернула руку, как будто совершила что-то дурное.

– Прости, чуть не посягнула на твою частную жизнь. Это относится к твоей работе? – она показала на сваленные в кучу бумаги, поверх которых лежала тетрадь.

– Нет, еще одно хобби, – ответил Кирилл, подходя к ней и несколько торопливо пряча тетрадку в ящик стола. – Привык излагать свои мысли на бумаге, – пояснил он, – вероятно, привычка сформировалась из-за отсутствия рядом людей, которым можно доверить самое важное.

– Разве у тебя нет тех, кому ты мог бы доверять? – удивилась девушка.

– Теперь есть, – ответил он, пристально глядя ей в глаза.

Анна неожиданно смутилась и отвела взгляд. Потом слегка нахмурилась, но тут же попыталась перевести все в шутку:

– Я могу идти мыться? А то как-то не хочется выглядеть драной кошкой.

– Даже в таком образе ты выглядишь потрясающе.

– Поверь, чистая я буду выглядеть еще лучше, – рассмеялась Анна, чтобы скрыть неловкость, и торопливо бросилась в ванную комнату.

– Я приготовлю тебе чай! – пообещал Кирилл.

Анна не услышала его слов из-за шума воды. Тщательно заперев дверь, она прислонилась к ней спиной и снова нахмурилась. То, что она почувствовала, ей совсем не понравилось, но она надеялась, что ситуацию удастся держать под контролем. Придя к такому выводу, она вздохнула с облегчением и быстро стянула с себя грязную, порванную местами одежду, попутно отметив, что Кирилл успел приготовить для нее свежие полотенца.

В дверь поскреблись, когда она смывала с себя остатки ароматной пены. Анна сразу напряглась, но бодрый голос Кирилла заставил ее расслабиться.

– Анна, ты скоро? – спросил он.

– Уже почти все, сейчас открою...

Она вылезла из ванны, прошлепала к двери, оставляя на голубом кафеле мокрые следы и попутно заворачиваясь в огромное полотенце плотнее. После этого она открыла задвижку и вопросительно уставилась на своего гостеприимного хозяина. Стараясь не смотреть на ее обнаженные плечи, покрытые капельками воды, Кирилл протянул ей что-то, завернутое в хрустящую прозрачную упаковку.

– Вот, переоденься. Твое барахлишко можно только выбросить.

– Спасибо. Но откуда у тебя женские вещи? – спросила она, разглядывая фирменные джинсы и трикотажную белую кофточку.

– Купил для своей девушки, но подарить не успел.

– Спасибо. Ты меня очень выручил. Смотри-ка, и размер мне подходит. Хорошо, что у тебя такая девушка. Надеюсь, она не обидится, если я воспользуюсь ее подарком?

– Эта девушка уже в прошлом – мы с ней разбежались. Так что можешь смело пользоваться одеждой.

Еще раз поблагодарив, Анна захлопнула дверь перед носом юноши и, быстро вытерев тело, переделалась. Старые вещи она запихнула в пустой пакет и сунула в мусорное ведро.

– Так гораздо лучше. Тебе очень идет, – одобрительно глянув на обтянутые тугими джинсами стройные ноги Анны, сообщил Кирилл, когда гостья появилась на кухне.

Аня промычала что-то невразумительное, прилагая в тот момент максимум усилий, чтобы расчесать мужской расческой свои густые мокрые волосы. Расческа сдалась первой, потеряв половину зубьев. Удрученно окинув взглядом щербатое изделие из темно-коричневой пластмассы, Анна, чертыхаясь, нагнула голову и потрясла иссиня-черной гривой. Зубья посыпались на пол, весело шелкая по чисто вымытому линолеуму.

Обещанный чай уже дымился на столе. Тут же, на золотистом блюдечке, высилась горка рассыпчатого печенья. От кипящей на огне кастрюльки вкусно пахло сосисками.

– Ты, наверное, голодная? – спросил Кирилл.

– Как волк. Спасибо, что спросил. Сама бы я попросить постеснялась.

– Брось. Я беспокоюсь за тебя.

– Что так?

– Мне кажется, что ты опять вляпалась в историю. Я не прав?

На это раз Анна не стала отпираться. Ей надоело изображать из себя сильную женщину. Она выдохлась и чувствовала необходимость взять тайм-аут. Опустившись на мягкое сиденье стула, она оперлась подбородком на руку и сказала:

– Прав, конечно. Только помочь ты мне ничем не можешь.

– Анна, ты невыносима! – горячо запротестовал парень. – Почему ты так сразу отвергаешь мою помощь? Мужчина я или нет?

– Конечно, мужчина. Только маленький, – улынулась девушка.

– Ну, знаешь ли!

– Вот именно – знаю. И обижаться на мои слова глупо. Ты не понимаешь, в какую переделку я попала. Тебе лучше не вмешиваться. Да и мне, честно говоря, не стоило. Но про меня – разговор отдельный, выбора у меня нет. А вот у тебя – есть. Так что спасибо за приют, кормежку и ночлег, но завтра я отправлюсь по своим делам, и ты должен мне пообещать, что не станешь выяснять, что это за дела.

– Не дожدهйся, – фыркнул Кирилл. – Если мой отец, втянув тебя в грязную историю, бросил, то я этого не сделаю. Тебе нужна помощь, что бы ты о себе ни возомнила.

При упоминании Макса Анна сморщилась, как от боли, но быстро взяла себя в руки, только меж бровей залегла маленькая складочка.

– Кирилл, перестань вмешиваться в мои дела, – четко выговаривая слова, произнесла она.

Но парень молчал, упрямо сжав губы. Анна быстро сообразила, что уговоры не помогут. Что бы она ни говорила, мальчишка сделает по-своему, и вполне может осложнить ее и так незавидное положение.

– Хорошо, – подумав, кивнула она. – Я расскажу тебе, в чем дело, но только для того, чтобы ты понял наконец: твое вмешательство ничего не изменит.

После этого Анна вкратце изложила суть проблемы. Кирилл слушал, сосредоточенно хмуря брови, стараясь не пропустить ни слова. Когда рассказчица упомянула Гиршмана, он вдруг удивленно вскинул брови и недоверчиво хмыкнул.

– Теперь тебе ясно, что твоя помощь ничего мне не дает? – спросила Анна, закончив повествование.

– Мне ясно другое, – покачал головой Кирилл. – Со мной или без меня, тебе ни за что не выполнить задание.

– Мне бы только проникнуть к нему в дом... Но это кажется мне непосильной задачей.

– Вот уж как раз и не проблема... – пробормотал Кирилл себе под нос.

– Ты о чем? – сразу насторожилась Анна.

Кирилл спохватился, что сказал лишнего, но было поздно. Анна вцепилась в него, как клещ, и не отставала до тех пор, пока не выудила признание.

– Я кое-что знаю об этом типе, – кисло улыбаясь, выдал Кирилл. – У него есть одна слабость, которой в иной ситуации можно было бы воспользоваться.

– Что за слабость? – быстро спросила Анна.

– Бега.

– Бега? Ты имеешь в виду скачки?

– Вроде того.

– Но мне-то от них какая польза? Я ж не лошадь.

Кирилл как-то странно хмыкнул, но тут же спрятал ухмылку.

– Каждые полгода Пивная бочка набирает на работу девушек, которые...

– Так это же прекрасно! – всплеснула руками Анна.

– погоди, ты не можешь участвовать в кастинге!

– Глупости! Могу и буду. Это мой единственный шанс добраться до Гиршмана.

– Согласен, но такой шанс не для тебя!

– Это мы еще посмотрим. Когда будет следующий набор?

– Завтра. Тьфу, черт, Анна, даже не думай о таком варианте! Ты не должна...

Анна резко вскинула голову:

– Чего я должна и чего не должна делать, решать только мне, понял? Спасибо за информацию, но ты не тот человек, который может диктовать мне условия. Прости, если мои слова звучат слишком резко, но это на самом деле так.

Кирилл ударил кулаком по столу и застонал. Анна искренне не понимала, почему он так упорно отговаривает ее от участия в конкурсе. Ей, правда, было не вполне ясно, почему для работы с лошадьми требуются девушки, но у богатых свои бзики, возможно, Пивная бочка предпочитает, чтобы его услуга принадлежала к слабому полу. Чужая душа – потемки, а для нее попытка пройти конкурс – в самом деле единственный выход.

Неожиданно Анна обратила внимание на некоторую странность и тут же озвучила свои сомнения, задав вопрос:

– Кирилл, а откуда тебе так много известно о Гиршмане? Ты что, знаком с ним?

– Тебя это удивляет?

– В общем – да. Понятия не имела, что у тебя такие связи.

– Какие там связи! – усмехнулся Кирилл. – Просто я у него работаю, вот и весь секрет.

– Работаешь? Кем? – вскинула брови Анна.

– Шофером, – пожал в ответ плечами парень.

– Я ничего не знала.

– Так ведь я ничего и не говорил. Хвастаться особенно нечем, да и работаю я у него всего полтора месяца. К тому же я у него не единственный, нас в штате четверо. За все время я его и возил-то раза три-четыре.

– Откуда же столько подробностей? Гиршман – фигура известная, но я никогда не слышала о его страсти к бегам.

– Кто же об этом будет распространяться? А я знаю от других шоферов. У Гиршмана строго: надо куда-то ехать или нет, неважно, но к семи ноль-ноль изволь явиться в гараж. Сутки работаешь – двое отдыхаешь. Иногда в рабочие сутки просто в гараже сидишь. И уж тогда такого понаслушаешься – жуть.

– Могу себе представить, – кивнула Анна. – Только все равно придется иметь с ним дело. Иначе... – она безнадежно махнула рукой и отвернулась.

За ночь Анна хорошо отдохнула, чему весьма способствовала удобная двухспальная кровать, которую хозяин предоставил в ее полное распоряжение. Она ожидала, что утром он вновь примется за свое и будет ее отговаривать от затеи с конкурсом у Гиршмана. Но Кирилл неожиданно выразил свое полное согласие. «Недаром говорят: утро вечера мудренее», – удовлетворенно подумала Анна. Ее немного смутила брошенная им загадочная фраза по поводу того,

что когда Анна узнает об условиях набора, то сама откажется от своей безумной затеи, но она постаралась выбросить его слова из головы, решив, что Кирилл просто ее запугивает.

Отправляясь на работу, Кирилл без возражений взял ее с собой, чем значительно облегчил дело: Анна, несмотря на заверения Налимова, опасалась бродить по улицам одна. Кирилл высадил ее у красивых ворот, сказав напоследок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.